

Евгений Исаков

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРСТА

Избранное дополненное

2021

Евгений Исаков

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРСТА

Избранное, дополненное

2021 г.

Исаков Е.Г. Последняя верста. Избранное, дополненное

Дашкелю Дашкелю Ишму от автора.

Дашкел! Прими мою книжечку
в подарок в знак уважения и
дружбы, с пожеланиями всего
добраго тебе и твоей семье.
Сад бест сая зичим!

Евгений Исаков

28/III-2022

ЕИсаков

БИОГРАФИЯ



Автор этой книги, Евгений Герцельевич Исаков, родился 02 ноября 1946 г. в г. Грозный (столица Чеченской республики). В июне 1947 года семья переехала в город Хасавюрт на малую родину матери. Женился он в 1972 году, жена Исакова Надежда Сергеевна. Евгений Исаков прожил в Хасавюрте до 1989 г., и в августе он с семьей переехал в Москву к месту учебы детей. К тому времени родителей уже не было в живых. В семье трое детей: сын Исаков Рудольф Евгеньевич 1973 г.р. – государственный советник III класса, дочь Исакова (Загирова) Любовь Евгеньевна 1974 г.р. – косметолог, и дочь Исакова Виктория Евгеньевна 1976 г.р. – заслуженная артистка РФ, которая служит в театре им. А.С. Пушкина.

В 1964 г. Евгений закончил среднюю школу и стал работать в «Рембыттехнике» сначала учеником, а затем и мастером. Он получил отсрочку от призыва в армию в связи с тяжелой болезнью матери. После кончины матери в 1968 г. он получил повестку на следующий день после похорон и ушел служить в Советскую армию. Демобилизовался он в 1970 г.

Следует заметить, что перед уходом на службу, он работал в Доме пионеров Хасавюрта в качестве тренера юных футболистов. Это был первый опыт работы в этом качестве. Вся последующая жизнь его так или иначе была связана с футболом. После службы он попал в сборную команду Хасавюрта по футболу, а в 1976 году поступил в Московский областной государственный институт физкультуры на заочное отделение на кафедру футбола. Закончил вуз с большим перерывом, т.к. работал тренером сборных команд Хасавюрта, а затем и Кизилюрта, и не мог бросать работу в течение сезона.

Евгений прошел путь от детского тренера до генерального директора профессионального клуба. Самое интересное и замечательное время было на работе в футбольном клубе «Анжи» в качестве администратора, куда он был приглашен заслуженным тренером РФ Гаджиевым Гаджи Муслимовичем – главным тренером Ф/К «Анжи». В момент прихода в «Анжи» следует отметить работавшего там в качестве исполнительного директора одного из самых талантливых учеников Евгения Исакова Аджиева Абанара Муталимовича. Три года проведенные в «Анжи» были

насыщены успешными событиями: выход в высшую лигу России, участие в финале футбольного кубка РФ и т.д.

Затем была работа в «Динамо» Махачкала в качестве начальника команды в 2003-2004 г. С 2004 г. Исаков был назначен на пост гендиректора Ф/К «Видное». После небольшого перерыва Исаков вернулся в детский футбол. При содействии мецената Михаила Алиевича Убайдулаева и при его непосредственном руководстве был построен стадион с искусственным покрытием и трибунами на 750 мест с раздевалками и другими подсобными помещениями. Это произошло в г. Хасавюрте. По предложению Исакова школа футбола была названа именем Г.М. Гаджиева. Нельзя не отметить Аджиева А.М., подарившего школе 100 мячей «Адидас». На должность главного тренера был приглашен грамотный специалист Абуев Арсланбек Пахрудинович, который был на протяжении нескольких лет вдохновителем побед клуба и который в прошлом играл в командах Исакова, а также Шамиль Абуев и Ибадула Солтанмурадов.

Официальное открытие школы состоялось 11 октября 2007 года. Исаков проработал в школе в качестве вице-президента футбольного клуба 4 года и вынужден был уйти по состоянию здоровья. На тот момент ему уже было 65 лет.

Следует вспомнить, что 26 июня 2007 г. при содействии и руководстве главы администрации округа Хасавюрт Умаханова Сагитпаши Дарбишевича и мэра города Хасавюрта Муртазалиева Арсена Салгереевича был проведен творческий вечер Е.Г. Исакова, где он читал свои

поэмы и стихи. По окончанию вечера руководители наградили Исакова золотой медалью Всемирного фонда имама Шамиля и муниципальным орденом «Дружба». В последствии было два издания книги стихов Исакова, а сейчас готовится третье издание, приуроченное к 75-летию поэта 02.11.2021г.

Евгений Герцельевич Исаков является активным членом общины горских евреев Москвы. Его многочисленные и разнообразные таланты всегда вдохновляли людей на перемены в жизни, которые так необходимы творческим людям. Наши мудрецы говорят, что возраст человека не зависит от даты, указанной в паспорте. Умение быть молодым, а часто даже с ребячьим задором, включаться в процесс веселья на шумных застольях – это отличительное качество Евгения Герцельевича. Наш праотец Авраам, увидев с какой радостью его сын Ицхак идёт на самопожертвование, сделал вывод, что причиной такого поведения является молодость. Пожелаем дорогому Евгению Герцельевичу оставаться всегда молодым и радовать всех своим присутствием на торжествах и праздниках.

Раввин общины

горских евреев Москвы

Авраам Пльязев

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ 26 июня 2007 г.



Е. Исаков читает свои поэмы и стихи на сцене культурного центра в г. Хасавюрте



Актовый зал культурного центра в г. Хасавюрте на встрече с друзьями Е. Исакова



Близкие друзья Исакова Е., справа **Ибрагим Ордашев**,
слева **Зайнула Магомедов**



Выступление ансамбля «Молодость Дагестана» перед
прочтением поэмы о Шамиле



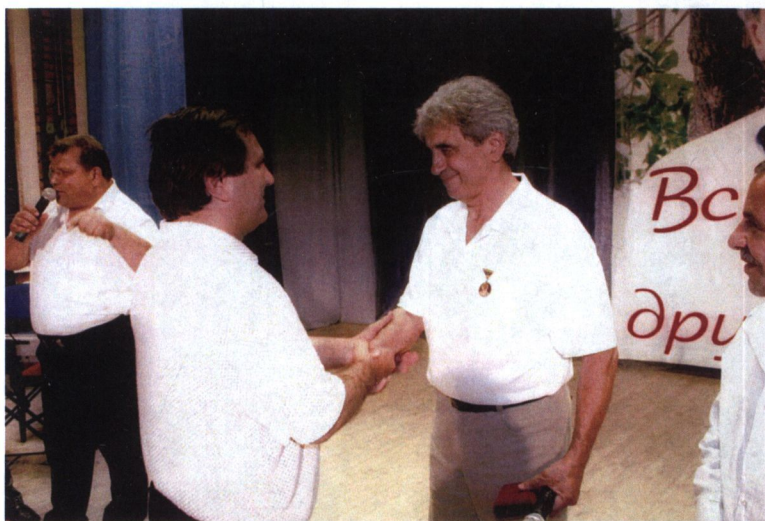
Отец, Евгения Исакова, Исаков Герцель Мигирович (1907)
перед отправкой в авиационный полк. Июнь 1941 г.



Ханиш Баксанович Михайлов(1893) и Хаим Еремеевич Самандуев (1900),
братья матери Евгения Исакова, перед отправкой на фронт



Перед награждением Исакова Е., справа налево: мэр Хасавюрта Муртазалиев Арсен Салгереевич, Борис Писахов – сын Шольяха, героя баллады, Исаков Е., глава округа Хасавюрт Сагитпаша Дарбишевич Умаханов



Сагитпаша Дарбишевич Умаханов вручает Исакову Е. золотую медаль Всемирного фонда «Имама Шамиля» и муниципальный орден «Дружбы»

ОТКРЫТИЕ СТАДИОНА 11 октября 2007 г.



Исаков Е. – вице-президент детского футбольного клуба «Победа» – объявляет об открытии стадиона клуба



Парад детских команд клуба «Победа» в честь открытия стадиона



На фото слева главный тренер клуба «Победа» Абуев Арсланбек Пахрудинович и вице-президент клуба Исаков Е.



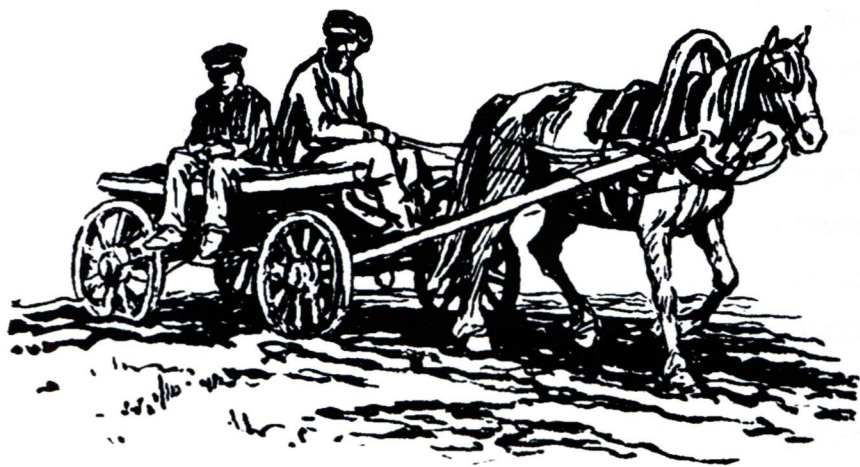
На фото в центре близкий друг Исакова Е. Аванесов Анатолий Михайлович – академик АМН РФ, профессор, доктор медицинских наук, зав. кафедрой стоматологии медицинского факультета РУДН

ЛЕГЕНДА О ЕВРЕЙСКОМ МАЛЬЧИКЕ

*...Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь...*

И было утро. И была дорога. По ней катила малая повозка, вернее двуколка, запряженная небольшой горской лошадкой. В повозке на душистом сене, положив под голову платок, дремала женщина. Ее муж управлял лошадьё, которая была довольно строптивой и не терпела ударов кнута. Помня об этом, хозяин едва прикасался к ней кнутовищем и этого было достаточно. Тем временем путникам предстояло проехать через перевал, где дорога проходила по краю ущелья. Между тем муж женщины, которую звали Фатима, вспоминал, как они с женой ездили в город к мулле помолиться, чтобы Всевышний послал им ребенка. Мужчина (его звали Ибрагим) помнил о том, как мулла сказал: «Молитесь, и в скором времени у вас будет ребенок». Так, вспоминая эту поездку, он приблизился к перевалу. Лошадка замедлила свой бег, женщина проснулась и тоже вспомнила о поездке к мулле. И вдруг они увидели на краю дороги на траве спящего мальчика лет четырех. Они остановились и подошли к ребенку. «Мальчик, ты чей? Откуда? Что ты здесь делаешь?» Мальчик испуганно смотрел на взрослых и молча показывал на дно ущелья. Они посмотрели вниз и увидели стадо пасшихся коров. Малыш плакал и все показывал на дно ущелья. Фатима взяла

ребенка на руки и подумала: «Вот оно – предсказание муллы». Она положила ребенка в повозку, прилегла рядом с ним, и они двинулись дальше. Мальчик успокоился и заснул. Так они добрались до селения Чирюрт, где был их дом. Заехав во двор, Ибрагим взял ребенка на руки и занес в комнату. Он подумал: «Чей бы не был этот малыш, его нам послал Всевышний, как и предсказал мулла». Положив мальчика на тахту, они вышли в другую комнату и Фатима сказала, что очень обрадовалась найденышу, и это будет их сын. Беспокоило ее лишь то, что мальчик не разговаривал. Видимо, он был сильно испуган чем-то и потерял дар речи. Несмотря ни на что Ибрагим и Фатима твердо решили усыновить ребенка и дали ему имя Исмаил. Шел 1880 год.



Здесь необходимо прервать рассказ и перенестись в наши дни. У одного из домов предгорного селения под ореховым деревом на лавочке сидел старик. Его большие

ладони опирались на суховатую палку, несколько выдвинутую вперед. Рядом с ним сидел мальчик лет восьми и тербил деда за рукав его рубахи: «Дедушка, рассказывай дальше, я тебя слушаю». Дед (а это был внук Фатимы и Ибрагима и сын Исмаила) продолжил: «Запомни, ты носишь имя моего отца и твоего прадеда. Ты – Исмаил младший. Мои дедушка и бабушка нашли мальчика возле ущелья, когда ехали из города от муллы, который сказал им, что у них скоро будет ребенок. Найдя этого мальчика, они решили, что это Всевышний подарил им сына, взяли его к себе и усыновили. Мальчику дали имя Исмаил. На груди у малыша висел битык – треугольник из кожи, где хранилась молитва. С краю была надпись на русском языке «Мушоев Исак». Они показали эту молитву мулле. Он сказал, что это не арабский язык, а иврит – язык евреев. Ибрагим и Фатима заявили: «Независимо от национальности мальчика, это наш сын, и мы от него не откажемся». Мулла был удивлен их решимостью, но тем не менее благословил их на этот поступок. Это все происходило в 1880 году. Когда Исмаил вырос и стал высоким красивым парнем, его женили на красивой девушке из соседнего села. Ей было 18 лет, Исмаилу – 21 год, и это был а красивая пара. Родители радовались, глядя на молодых и стали ждать внуков. У Исмаила и Зумруд родились две девочки с разницей в один год. Дед и отец расстраивались, они ведь ждали мальчиков, но девочек любили крепко, и Всевышний вознаградил их за

терпение. У Исмаила родились пять сыновей подряд, причем пятым был я, твой дед. А когда ты родился, я дал тебе имя твоего прадеда Исмаила. Я родился в 1915 году, когда Исмаилу исполнилось 40 лет. Сыновья росли на радость деду и отцу. Когда Ибрагиму исполнилось 65 лет, он призвал своих детей и рассказал им историю Исмаила – иудея по крови. Исмаил вспомнил откуда он, из какой семьи (примерно через год он начал разговаривать), но Ибрагим и Фатима очень полюбили этого мальчика и относились к нему как к родному сыну. Это все они рассказали детям Исмаила. Его сыновьям было поручено поехать в Хасавюрт, откуда предположительно был родом Исмаил, и найти родственников отца. Фамилия их была известна из молитвы, прочитанной муллой, когда Ибрагим и Фатима нашли ребенка. Это были Мушоевы, жившие тогда в Хасавюрте или в близлежащем селе.

Итак, в один из весенних дней 1933 года к колхозному рынку в Хасавюрте подъехали пятеро всадников в черных бурках. Красивые статные парни привязали коней у входа и вошли в рынок. Они стали расспрашивать людей, знают ли они кого-нибудь из евреев, которые помогли бы найти Мушоевых. Одна из торговок указала им на пожилую женщину, которая торговала разной мелочью: иголками, нитками, кусочками ткани и т.п. Это была Сарасан Бикшоева. Парни подошли к ней и спросили: «Бабушка, можешь ли ты нам помочь разыскать еврейскую семью

Мушоевых, мы хотим с ними познакомиться». Старушка испугалась и, крича, что эти люди давно уехали и никто не знает, где они находятся. Она быстро собрала вещи и убежала с рынка. Парням ничего не оставалось делать, как отправиться восвояси. Была вторая половина дня и им хотелось засветло попасть домой, дабы не беспокоить родителей. Так закончилась эта история с поиском Мушоевых.

Потом была война. Мы все пятеро ушли на фронт. Отец тоже хотел уйти с нами, но его не взяли из-за возраста. Ему было 66 лет.

Домой вернулись мы не все. Двое старших братьев остались лежать под Кенигсбергом.

Дед Ибрагим умер перед самой войной в возрасте 89 лет. Бабушка Фатима пережила деда на три года. Они похоронены рядом на сельском кладбище.

Ты, Исмаил, сын моего младшего сына Абдурашида и являешься самым младшим в нашей семье. Я хочу поручить тебе одно серьезное дело. Когда ты вырастешь, постарайся найти наших родственников по еврейской линии. Мушоевых знали многие в Хасавюрте и не может быть, чтобы от них не осталось памяти.

Дай мне слово, что будешь их искать и все-таки найдешь кого-нибудь из них». Мальчик задумался, но потом ответил деду: «Даю слово, дедушка, когда я вырасту, я найду этих людей и расскажу им нашу историю». Дед

растроганно обнял мальчика, которому было всего семь лет и сказал: «Я верю тебе, Исмаил! Расти настоящим мужчиной и помни о данном тобой слове». Шел 1995 год.

Через несколько лет не стало деда Исмаила, которого звали Абдула. Это был благочестивый старик; Исмаил очень любил его и решил во что бы то ни стало выполнить его наказ. И вот однажды он решил, что пора действовать. В 2012 году Исмаилу исполнилось 22 года. Он вырос умным грамотным парнем, таким же красивым и статным, как и все его родственники.

И настал день, когда он приехал на тот самый рынок в Хасавюрте, где начали поиски Мушоевых дед Абдула и его братья. Он нашел нескольких евреев и стал расспрашивать их, знают ли они что-нибудь о семье Мушоевых. Некоторые вспомнили их и сказали, что они живут в Израиле и можно узнать их адрес через еврейское агентство «Сохнут».

Исмаил послал запрос в «Сохнут» и через два месяца пришел ответ с адресом: Тель-Авив, ул. Шолома Алейхема, д. 62, кв. 32. Исмаил написал письмо Мушоевым по этому адресу и вкратце изложил свою историю, попросив разрешения приехать к ним в гости. В ответном письме Мушоевы сообщили, что в их семье много лет передают из поколения в поколение историю о погибшем предке и пропавшем мальчике. Мушоевы пригласили Исмаила приехать к ним, чтобы познакомиться, и Исмаил стал собираться в поездку. Примерно через год были готовы

документы на посещение Израиля, и Исмаил вылетел из аэропорта «Мин-Воды» в Тель-Авив. В аэропорту «Бен-Гурион» в Тель-Авиве его встретили двое парней, сказавших, что они встречают его, и что они – Мушоевы.

Возвращаясь назад, надо сказать, что Исмаил к этому времени закончил мединститут в Махачкале, стал доктором-педиатром, и уже работал в поликлинике в Кизилюрте. Он показал себя грамотным врачом, и его все любили и уважали.



Итак, встретившись в аэропорту «Бен-Гурион» с братьями Мушоевыми, он поехал к ним домой. Там их ожидали родители и младшая сестра, которую звали Софи. Исмаила приняли радушно. Накрыли красивый стол и стали расспрашивать о цели приезда к ним. Исмаил рассказал им историю своего рода с самого начала, как рассказал ему дед Абдула. Мушоевы вспомнили свою историю о том, как пропал их предок со своим маленьким внуком. Этого человека звали Абрам Мушоев. Когда он отправился искать пропавшую корову, четырехлетний внук стал плакать и упросил деда взять его с собой. Остановившись у края ущелья, дед увидел пасшихся внизу коров. Он решил

спуститься вниз и поискать там свою корову. Дед привязал веревку к луке седла и сказал внуку, чтобы он сидел возле лошади и ждал его. Дед Абрам стал спускаться по веревке в ущелье и тут произошло неожиданное – веревка оборвалась, и дед упал с пятиметровой высоты в ущелье. Там с краю было небольшое болотце, и Абрам угодил в него вниз головой. Так погиб этот предок Мушоевых. Когда стали искать деда и мальчика, то Абрама нашли по сапогам, торчащим из болота, а мальчика и след простыл. Его подобрали Ибрагим и Фатима и увезли в Чирюрт. Лошадь, испугавшись, убежала и через некоторое время пришла в село, из которого были дед Абрам и его внук, ставший в последствии Исмаилом, сыном Ибрагима и Фатимы Ибрагимовых. Такова была фамилия и всего большого рода Ибрагимовых.

Итак, Исмаил Ибрагимов и Мушоевы выяснили, что являются родственниками. Мушоевы предложили Исмаилу погостить у них некоторое время, на что тот ответил согласием. Братья и Софи гуляли с Исмаилом по городу, показывая достопримечательности Тель-Авива, и рассказывая историю как города, так и Израиля. Время летело быстро, и пришла пора уезжать в Россию, но тут выяснилось, что Софи и Исмаил полюбили друг друга и пришли к родителям Софи за благословением. Родителям и братьям Софи Исмаил понравился. Он был симпатичным и порядочным парнем и Мушоевы дали согласие на брак

Софи и Исмаила. Тут же было принято решение лететь в Дагестан на свадьбу детей. Через месяц документы на выезд были готовы и Исмаил, Софи и остальные Мушоевы полетели в Мин-Воды. Там их встречала большая семья Ибрагимовых. Порядка десяти машин и автобус двинулись в Кизилюрт. По приезде началась свадьба, которая продолжалась неделю. Молодых поселили в большом двухэтажном родительском доме. На втором этаже отвели им две просторные комнаты со всеми удобствами. Наконец свадебные торжества закончились, и новые родственники Ибрагимовых решили лететь домой в Тель-Авив. Их провожал весь большой род Ибрагимовых. Мушоевым подарили много разных подарков, и тепло попрощавшись, отправили их в дорогу в аэропорт Мин-Воды на самолет, вылетающий в Тель-Авив. Родственники пообещали друг другу, что будут периодически встречаться, летая друг к другу хотя бы через год-полтора. На том и расстались.

А еще через год у Софи и Исмаила родился мальчик, которого назвали Абдулой, в честь деда Исмаила II и сына Исмаила I, найденного и усыновленного Ибрагимом и Фатимой в далеком 1880 году.

Ах, как стремительно летит время! Абдула рос смышленным мальчиком. Он уже знал, что у него есть дедушка и бабушка в Израиле. Шел 2019 год, и когда Исмаил и Софи собрались посетить Израиль, чтобы увидеться с родителями Софи, началась эпидемия страшной

болезни – коронавируса. Поездку пришлось отложить на неопределенное время, так как Израиль был закрыт на въезд и на выезд.

В сентябре 2020 года Абдула пошел в первый класс. Ему было шесть лет, но он уже умел читать и писать, так как с ним занимались его родители Исмаил и Софи. Всем осталось только ждать, когда пандемия отступит, и наконец Ибрагимовы смогут полететь в Израиль, где их с нетерпением ждут их родные Мушоевы.

Будем верить и мы, все близкие этих прекрасных молодых людей, что они наконец встретятся со своими родными. Пожелаем им всем здоровья, счастья, добра и благополучия как Ибрагимовым, так и Мушоевым.

Будьте все счастливы!

06.01.2021 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРСТА

В этом произведении речь идёт об одном дне 25 августа 1859 г, когда имам Дагестана и Чечни Шамиль, возглавивший борьбу горцев против русского царя, во избежание дальнейшего кровопролития, пришел к князю Барятинскому фельдмаршалу, главнокомандующему войсками царя на Кавказе и объявил, что прекращает сопротивление. Это произошло в одной версте от аула Гуниб, последнего оплота Шамиля, в роще, где Барятинский сидел на камне и ждал имама. Фельдмаршал принимал Шамиля сидя не потому, что не уважал его. Дело в том, что у князя была подагра и он не мог долго стоять. Так окончилась война на Кавказе. Шамиль был отправлен в Петербург к царю.





Пригорок на краю аула
Шамиль, задумавшись, стоял.
Он видел русских ружей дула,
Никто в имама¹ не стрелял.

Приказ Барятинского строгий
Пришел: «Живым имама взять,
Но прежде, перекрыв дороги,
Кольцом вокруг Гуниба встать».

И вот дает команду Кесслер²
Кричать о сдаче Шамилю:
«Захочет он подумать если,
Я штурм пока остановлю,
Но не надолго». А фельдмаршал
Парламентёра в роще ждёт.
(В одной версте или чуть дальше
Аул Гуниб) Конвой ведёт,
К нему чиркеевца Юнуса³
Вокруг стоят войска урусов⁴
И вновь Юнус в аул пойдёт
Затем, вернувшись, принесёт
Для князя русского ответ:
«Пока о сдаче речи нет!»

¹ Имам – духовный лидер у мусульман.

² Кесслер – генерал из штаба Барятинского

³ Ординарец Шамиля

⁴ Русских



Уж тридцать тягостных минут
Проходят. В напряженье ждут
Войска готовые на штурм
Шамиль молчит. Он полон дум

Он знал: дальнейшая борьба
Напрасна, и перед врагами
Предстать он должен и судьба
Его предрешена, а зная,
Что четверть века он держал,
К борьбе восставших горцев звал,
Ему придётся опустить
И пленником к царю отбыть.

И тишина! Готовясь к бою,
Солдаты продолжая ждать,
Шептаться стали меж собою:
Мол попытается бежать

Имам; ведь под покровом ночи
Из Ахульго⁵ он так ушёл
И нам он голову морочит,
А то б давно уже пришёл.

Но вот меж саклями явилась
Толпа мужчин. Остановилась
И вдруг исчезла. Тут все молчат.
Чуть слышно меж камней журча,
Бежала речка. «Что за вздор –
Им стал кричать парламентёр –
Вам по-другому не спастись
Спускайтесь поскорее вниз!»

Вот горцы показались снова.
Шамиль немного впереди,
За ним решительны, суровы
Идут мюриды⁶ позади

Они к сражению готовы.
Навстречу Врангель⁷ - генерал,
И толмачу⁸ он молвит слово
Для Шамиля. Он так сказал:
«С тобою были мы врагами,
Теперь же станем мы друзьями!»
Шамиль с ним говорить не стал,
К Барятинскому путь держал.

Уж солнце близилось к закату.
«Ура» вдруг грянули солдаты.

⁵ За 20 лет до описываемых событий Шамиль был окружен в ауле Ахульпо, но под покровом ночи, сумел уйти.

⁶ Сподвижники Шамиля

⁷ Генерал из штаба Барятинского.

⁸ Переводчик

Шамиль остановился чуть,
Но тут же свой продолжил путь.
И вскоре горцы подошли
К войскам. Иمامу подвели
Коня. В седло он ловко сел
По сторонам он не смотрел.
И был коня размерен шаг
Шамиль поехал не спеша,
Устало. Так в конце пути
Ему приходится пройти
Версту последнюю. Она
Для Шамиля была трудна.

Фельдмаршал ждёт неподалёку
На камне в роще он сидит.
Круг генералов сзади, сбоку,
И эскадрон драгун стоит.

Шамиль сошел с коня. Оружье
Его оставили при нем.
Мюридам всем остаться нужно
В ста метрах. Но за Шамилём
Юнус отважно устремился
Да так никто и не решился
Ему дорогу преградить
Вслед за имамом не пустить.

Шагах в пяти два горца встали
Перед Барятинским, а тот
Для переводчиков, что ждали,
Команду: «Приступить» дает

«Шамиль, ты помнишь предлагал я
Тебе приехать в лагерь мой?

Ты не приехал, сколь не звал я,
Теперь я прибыл за тобой!
Но за одно тебе ручаюсь,
За безопасность за твою.
Обезопасить постараюсь
Твоих мюридов и семью».

Шамиль спокойно отвечает:
«Хоть сладок мёд, надоедает
Коль часто есть его и мне
Всё надоело. О войне
Готов я навсегда забыть
И дальше с вами в мире жить».



Он ждал, что князь его оставит
В горах; не встанет на пути.
Или возможность предоставит
С семьёй в Аравию уйти.

Но тут Барятинский суров:

«Шамиль, ответить я готов,
Никто не может здесь решить
Тебя куда-то отпустить.
Не тешь себя надеждой зря,
Твоя судьба в руках царя»!

Всё было сказано. Фельдмаршал
Сел на коня и ускакал.
И штаб его уже на марше
За генералом генерал

Все едут в лагерь. Суетился
Горшельд⁹. Дорисовать хотел.
Шамиль устало опустился
На камень тот, где князь сидел.

Толпа солдат вокруг стояла,
Враждебных чувств не проявляла:
«Так вот таков Шамиль – имам
Всегда сочувствовавший нам»!
К нему не раз они бежали,
Отвергнув каторжный режим.
За цитадель его сражались
И погибали рядом с ним.

Полковник Лазарев подходит
И Евдокимов - граф¹⁰ за ним.
Шамиль готов подняться вроде,
Но сильной жаждой он томим.
Ему немедленно приносят
Воды; он снова пить попросит,

⁹ Художник, академик живописи спешил успеть зарисовать картину прихода Шамиля.

¹⁰ Офицеры из штаба Бяратинского

А позже, совершив намаз,
Готов их выполнить указ.

Они опьянены успехом
Дорога у него одна:
Вниз в резиденцию поехать
В ту, что ему отведена.

На всём пути войска стояли
Ещё не убраны лежали
Тела мюридов и солдат
Но всяк живой вокруг был рад
Здесь сорок лет уж шла война
И вот закончилась она

Стреляли пушки, все кричали
«Ура» и шапки вверх бросали
Князь, небеса благодаря,
Спешит обрадовать царя:
«Гуниб уж пал, Шамиль пленён
И в Петербург отправлен он»!

Прошло сто лет, затем полвека
Ещё минуло с тех времён,
Но помнит мир о Человеке
О Шамиле! Боролся он
За независимость, свободу
И Дагестана, и Чечни.
Хранятся в памяти народа
Незабываемые дни,
Пусть эта память нас роднит,
Пока стоит аул Гуниб,
Пока над нами неба синь,
Да будет так всегда! Аминь!



БАЛЛАДА О ШОЛЬЯХЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

*Прекрасен гордый Дагестан,
Вершины манят красотой,
Когда предутренный туман
Плывет над снежной бахромой.
Кто в Дагестане побывал,
Тот не забудет никогда
Про то, как средь высоких скал
Ревет сулакская вода.*

*Да! Эти камни много знают
Лихих историй, но молчат.
Лишь моря шум не умолкает,
Все волны рассказать хотят:
Какими люди прежде были
И как любили край родной.
Рождались здесь, мужали, жили
И уходили в мир иной.*

ЧАСТЬ 1

Глава 1

С тех давних пор воды немало
В окрестных реках утекло.
И правда - быль легендой стала,
Так много времени прошло.
Легенду эту мне поведал
Мой старый, близкий, добрый друг.
Мы жили как отцы и деды,
Все в Хасавюрте, и вокруг
Соседи мирно проживали
И розни не было тогда.
Делили радость и печали
Казалось, будет так всегда!
Я вспоминаю все сначала
Тот небольшой уютный дом,
Что в двух кварталах от вокзала
Налево, пятый за углом.
Дорога эта мне знакома,
Я как всегда в окно стучу,
Мне открывают. Я шучу:
«Молчите, будто вас нет дома.
Наверное, уж очень красным
Был тот арбуз, что ели вы?
И я стремлюсь к столу напрасно:
Арбуза нет, как нет! Увы»

И вот уж стол накрыт по новой.
Хинкал дымится; все готово,
Вино и водка и коньяк.
Гостей всегда встречали так
Здесь под навесом во дворе.
Бывало к утренней заре
Мы расходились, но потом
Вновь возвращались в этот дом.

Был вечер. Мы вдвоем остались,
О том о сем поговорить.
Хозяин дома - Бухари
И я. С хинкалом разобрались,
Спиртного выпили слегка,
Сыграли в карты, «в дурака»,
Неспешно потекла беседа.
Друзей мы вспомнили, соседей,
Поездки в город Гудермес
На танцы. И походы в лес.
Футбол и в школе вечера.
Прекрасна юности пора,
Что как мгновенье пролетела;
Но смех и шутки без предела
По жизни рядом с нами шли
И лучше не было земли,
Чем Дагестан! Мечты! Мечты!
Нам так хотелось красоты...

Мой друг! Ты помнишь, в зимний вечер
Я как-то Яшку напугал?
Он шел с вокзала мне навстречу.
И вдруг топорик увидал
В моей руке над головою
И от меня рванул стрелюю,
И к Вам я тут же прибежал,
Чтоб посмеяться шутке этой,
И твой отец тогда сказал,
В мундштук вставляя сигарету:
«Он в нарды у меня десятку
Увел недавно. Сам не свой
Сыграл партейку для порядку
И убежал скорей домой.
Я знал, что Бог его накажет
И вот тебе попался он,
А завтра прибежит, расскажет,
Каким он чудом был спасен».

Суров и строг был без сомнений
Отец твой, дядя наш Шольях.
Но, что за шрамы на руках
И на лице? Следы ранений?
Каких? И где он получил
Такие страшные удары?
И он, наверное, не даром
Воспоминаний не любил?

«Все верно - тут мой друг заметил:
Отец вопросов не любил,
Но все ж однажды мне ответил,
Когда о шрамах я спросил».
Мой сын, ты должен знать, конечно,
Об этом! Слушай мой рассказ.
С тех пор прошла, наверно, вечность,
Но я все помню, как сейчас.

Глава 2

(Рассказ Шольяха)

Я был рожден в двадцатом веке
С его начала в третий год.
Отец счастливым человеком
Себя считал. И был он горд
И очень рад рождению сына.
Рекой лились коньяк и вина.
Родня до самого утра
Не уходила со двора.
А мне, когда я взрослым стал,
Отец об этом рассказал.

В те годы по-соседству с нами
Жила чеченская семья,
Там мальчик, четыремя годами
(примерно) старше был, чем я.
Тавхо, приятель мой, из круга
Мальчишек, выделял меня.

Бывало так, что друг без друга
Мы не могли прожить и дня.
Мы из одной тарелки ели
И спали рядом на тахте.
Играли вместе, песни пели,
И по душевной простоте
Его считал я старшим братом.
И подражал ему во всем.
Не знал я, что придет расплата
За простодушие потом.

Позднее речь пойдет об этом.
Сейчас о детстве разговор.
В забавах, играх мы рассветы
Встречали с ним у самых гор.

Но вот неожиданно силой грозной
Несчастье в город к нам пришло
И в эпидемии тифозной
Людей немало полегло.
Сосед - чеченец, умирая,
Тут моего зовет отца:
«Я ухожу! И, оставляя
В сиротстве своего мальчика,
Тебя прошу, мой друг, Гехази,
К себе бы ты его забрал.
Не допусти ни в коем разе,
Чтоб мой Тавхо бродягой стал».

«Ахмад, спокоен будь, тебе я
Могу мужское слово дать,
Что сил своих не пожалею
Тавхо достойно воспитать.
Он станет сыном мне, и вместе
Они с Шольяхом подрастут.
Наступит день и по невесте
В мой дом два брата приведут.
Я этой клятвы не забуду».
«Спасибо», - прошептал Ахмад
И отошел в тот мир, откуда
Не возвращаются назад.

Бежали годы, дни летели.
Расстались с детством мы с Тавхо,
И на моей уж свадьбе пели
И танцевали «Шолохо»,
Лезгинку, веселясь, играя
Плясала вся моя родня.
Отец мой, дедом стать мечтая,
В пятнадцать лет женил меня.



Приходит поздно или рано
К нам после радости беда.
Я молод, счастлив был тогда,
Но вот на землю Дагестана
Пришла гражданская война
Тавхо уж девятнадцать было,
И мать моя его любила
Как сына. Плакала она
Немало дней, когда призвали
Его на фронт. Но мы вначале
Все думали, что братец мой
Вернется вскорости домой.

Перевалил за середину
Год восемнадцатый, но знать
Напрасно ждали брата, сына.
Я, и мой отец и мать.
В те дни кровавого кошмара
Метались банды там и тут.
В огне военного пожара
Сожжен был город Хасавюрт.

Мы всей семьей бежали в Грозный.
Там тесть мой с тещей проживал.
Он человеком слыл серьёзным,
Решив помочь, коней мне дал
И фэтон, Сказал при этом:
«Работу я тебе даю.
Ты не ленись, вставай с рассветом.
Мужчиной будь, корми семью».

Я стал работать на извозе
С рассвета до исхода дня,
В жару и в дождь, зимой в морозы
Кормили лошади меня.

Прошли зима с весной, и лето
Кончалось. Августовским днём
Приехал я в двенадцать где-то
В трактир, чтоб пообедать в нём.

Я привязал коней у входа,
Вошёл в трактир и сел за стол.
Немного было там народа
В тот час. Трактирщик подошёл,
Еды принёс и чашку чаю.
Тут дверь открылась, молодой
Чеченец входит, Я не знаю
Его. А вслед за ним другой.
Он был в военной форме. Сбоку
Висела пашка на ремне.
Его я в прошлом недалёком
Уж видел, показалось мне.

Вот ближе он ко мне подходит,
Ему навстречу я встаю,
Он на меня не смотрит вроде,
Но в нём я брата узнаю.
«Тавхо, мой брат! Я счастлив снова
Тебя увидеть и обнять.
Я рад, что ты живым - здоровым
Вернулся к нам. Отец и мать
Всё ждут тебя. Домой скорее
Поедем!» «Подожди Шольях.
Обычай есть у нас в горах,
Его нарушить я не смею.
Как мне вернуться в отчий дом
Ни с чем? В лесу из тайника
Возьмём мешочек табака

И продадим его. Потом
Домой с подарками приедем,
Всех пригласим: родню, соседей
Пусть будет радость всем вокруг!
А это вот Ваха, мой друг.
Давай возьмём его с собою,
Шольях. Не в тягость нам с тобою
Его подбросить? Он потом
В своё село дойдёт пешком».

Я согласился. Радость встречи
Собой затмила всё вокруг.
Не ехать не могло быть речи!
Мы снова вместе! Брата друг
Взял вожжи, лошадами он правит,
И вот уж город позади.
Здесь друг решил, что нас оставит,
Но брат сказал: «Не уходи,
Ваха, побудь-ка тут с конями.
Мы в лес пойдём с Шольяхом сами,
Ты нас недолго подождёшь
Вернёмся мы - и ты уйдёшь».

И мы пошли. Листвы шуршаньем
Нас ветерок сопровождал,
И птиц веселым щебетаньем
Нас встретил лес. И я не знал
С каким коварством мне столкнуться
Придётся. Я был очень рад.
Со мной Тавхо, мой старший брат.
Мы с ним домой должны вернуться.

Всё дальше в лес меня уводит
Глухой тропюю побратим.

Тайник упорно ищет вроде,
Я молча следую за ним.
И чувствую, не так здесь что-то.
Но вот поляна впереди.
Мой брат стоит вполоборота,
Завет меня: «Сюда иди,
Шольях, с тобою мы расстаться
Отныне навсегда должны
И я сейчас могу признаться,
Мне лошади твои нужны.
Я не смогу тебя, пожалуй,
Теперь отсюда отпустить.
Хоть ты, Шольях, и славный малый,
Я должен здесь тебя убить.
Вынь кошелёк и брось на землю,
Папаху рядом положи
И знай, что я мольбам не внемлю.
Я тороплюсь, и ты спеши».

«Тавхо, опомнись, мы с тобою
Два брата. И не может быть
Чтоб ты вот так своей рукою
Мог здесь в лесу меня убить.
Наверное, ты проверяешь
Меня, мой брат? Но ты ведь знаешь,
Я трусом не был никогда,
Какая б не пришла беда.
Мне незнакомо чувство страха.
Я подниму свою папаху?
Но оставляю кошелёк
И лошадей возьми в придачу.
Пусть это принесет удачу
Тебе. Пойду, мой путь далек,
Еще до города добратся

Мне предстоит. И может стать
Пешком придется мне идти.
Меня ты с миром отпусти»

Моим словам он внемлет молча,
Глядит коварно взглядом волчьим,
Эфес рукою ухватил,
Ударить, видимо, решил.
Я за папашой наклоняюсь
Поднять. Спокойным быть пытаюсь,
Но душу ужас леденит:
Я братом буду здесь убит!
Успел подумать: «Что за муки
Мне уготованы судьбой?»
Сверкнул клинок над головой.
Я, защищаясь, поднял руки.
Удар жесток. И палец мой
Отрублен напрочь, отлетает.
И снова шашку поднимает
Мой побратим над головой.

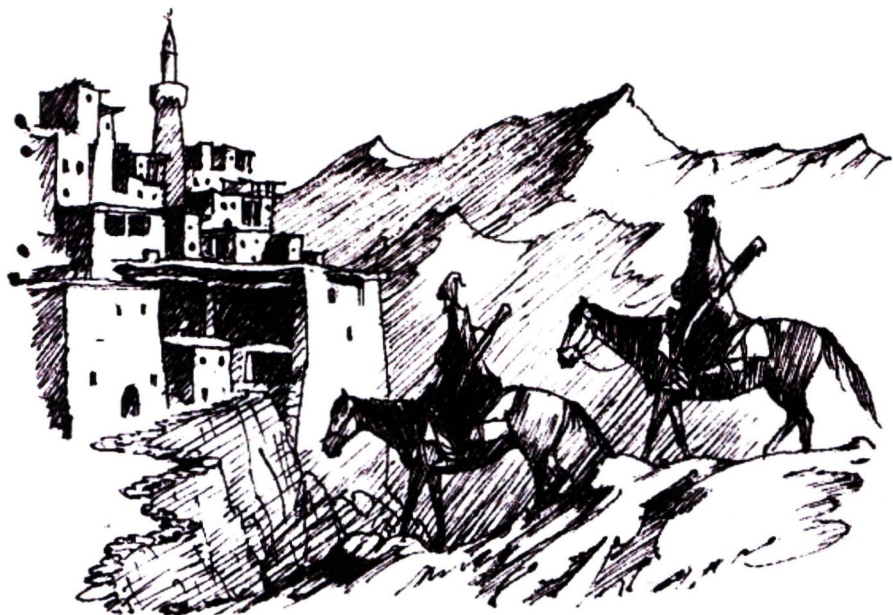
Удар! Пол уха - нет и снова
Удар! В лицо уже теперь
Он обезумел словно зверь.
И я упал, ни полуслова,
Ни полукрика не издал,
Я жить хотел и я молчал.
Быть может обману злодея.
Но том, все более зверея,
Бьет шашкой вновь по голове.
Клинком проводит по траве
Его от крови вытирает.
При этом взять не забывает
Мой кошелек, папаху, кнут.
Уйти готовится. Но тут

Шагов поспешных звуки слышит,
Бежит Ваха, он шумно дышит:
«Ну что? Готов он, твой еврей?

В селе давно уж ждут коней,
За них дадут нам денег много
А дальше трудная дорога
Нам предстоит с тобой, Тавхо.
Уж солнца близится заход.
Но не мешает убедиться:
Он жив иль мертв? Ведь притвориться
Он может запросто! Постой,
Его ударю я ногой .
По ранам бьет, и болью тяжелой
Пронизан мозг мой. Я молчу!
А сердце бьется, жить хочу.
Удар ноги страшнее шашки
Мне показался в этот миг,
Но я плотней к земле приник,
Не вздрогнул, затаил дыханье,
А в помутившемся сознании
Над болью мысль: «А вдруг поймут?
И перед тем как удалиться
Меня для верности добьют»
Тут про себя я стал молиться:
«Худо! Кумек сох эри мэ!
Эз дэс гайсер хилессох мэрэ!»¹¹
И вдруг удушье. Мозг во тьме,
И все вокруг в тумане сером.

Но Бог помог! Свершилось чудо!
Очнулся я - шаги вдали.

¹¹ татский: «Боже помоги мне. Из рук злодеев меня освободи»



Я Богу благодарен буду
Всю жизнь! Они ушли! Ушли!

Поднялся. Сел. Усиьем воли
Свою рубаху разорвал
В глазах темно от страшной боли.
Я раны все перевязал,
Как мог. За жизнь я биться стал.
Я полз, сознание терял
И снова полз. И вот с обрыва
К ручью скатился и затих.
Здесь по случайности счастливой
Пересекались два пути.
В село вела одна дорога,
Другая в Грозный - напрямик.
Тут я в себя пришёл немного
И ухом вновь к земле приник.

И слышу стук копыт недалний,
Колёсный слышу скрип подвод,
Прошу: «О Боже! Силы дай мне!
Быть может, помощь мне придёт?»

Подвода шла. Старик в черкеске
Меня увидел вдруг в кустах.
Два сына с ним, жена, невестка
С грудным ребёнком на руках.
Подходят трое. Стали рядом.
Чеченский говор. Как-то надо
Теперь ответить на вопрос,
Кто раны страшные нанёс
Мне? И, конечно, я не мог
(так было тяжко, видит Бог)
Сказать, что побратим меня
Рубил в лесу средь бела дня.

Пришлось придумать мол, казаки
Со мной разделались вот так.
«Гяуры, грязные собаки!
Не успокоятся никак!»
Вскричал в сердцах чеченец строгий.
И одному из сыновей
Сказал: «Вадуд, вернись с дороги,
Бери коня вези скорей
В больницу этого парнишку
Он потерял уж много слишком
И сил, и крови. Мы спасём
Его от смерти, А потом
Он отомстит за всё убийцам.
Надеюсь, он запомнил лица.
Я вижу смел он, духом твёрд,
Не стонет, лишь скрипит зубами,

Взгляд не унижен, зол и горд!
Кто знает, может завтра с нами
И он гяуров будет бить?
Так значит так тому и быть
Вези его. Не оставайся
Ты в городе. И постарайся
Вернуться к сумеркам домой.
Я буду ждать тебя, сын мой."

Глава 3

И вот больничная палата.
Лекарства, белые халаты
И перевязки каждый день.
Стояла долго смерти тень
С косою у моей постели.
Прошло примерно три недели;
Я свет увидел меж бинтов
Как будто бы из страшных снов.
Я получил увечья эти
И вразумительно ответить
Никто не мог: откуда, как
И кем сюда доставлен был я?
Всё скрыто беспросветно пылью
А в прошлом только кровь и мрак.

Так много месяцев больница
Моим пристанищем была
Пока Гиржи - моя сестрица
Меня однажды не нашла.
Поняв, что это не во сне,
Что я не призрак, не виденье,
Отринув всякие сомненья,

Рыдая, бросилась ко мне.
«Шольях! О бедный братец мой,
Я побегу сейчас домой
И сообщу родным и близким,
Что ты нашёлся наконец.
Да будет проклят тот подлец,
Что поступил с тобой так низко»
И вскоре все в больнице были:
Отец и мать, сестра, жена,
Они мне память возвратили
И с глаз упала пелена.
Семью свою обрёл я снова,
И жив, как видишь, до сих пор.
Бог дал мне счастье быть здоровым
Вот только шрамов перебор».

Отец умолк. А я, не смея
Воспоминаний нить прервать,
Сидел пред ним благоговая,
Не зная, как ему сказать,
Что потрясён его терпеньем
И силой духа восхищён.
Но не любил он, без сомненья,
Похвал слащавый перезвон.

На этом всё. «- Мой друг закончил,
Но я готов продолжить, впрочем,
От этих строк и до конца
Рассказ от третьего лица.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

Летело время. Годы шли.
Болезни, холод, голод, войны.
Зимой студёной, летом знойным
Держались стойко как могли
Шольях и с ним его супруга,
От Бога верная подруга,
Мамух. Десятерых детей
Он вёл по жизни вместе с ней.

Они давно уж возвратились
В места, которых нет родней.
И в Хасавюрте здесь родились
Пять сыновей, пять дочерей.

А время было непростое:
С фашизмом грянула война
И похоронок с поля боя
Прискорбных, хлынула волна.

По зову Родины без страха
На битву в девятнадцать лет
Ушёл и старший сын Шольяха,
Он был Гехази, как и дед.
Он не дошёл до стен Рейхстага,
Но фронт и плен, и лагеря
Фашистские, потом Гулага
Им были пройдены не зря.
И он средь миллионов павших
И обездоленных войной
Считался без вести пропавшим,
Но выжил и пришёл домой.

Война несла с собой несчастье.
И на Кавказ пришла беда:
Указ тирана в одночасье
Сослал Вайнахов в никуда.
И шли они к своей свободе
Тринадцать долгих, страшных лет.
Погибло множество народа,
Померк, казалось, белый свет.

Но вот пришёл он, миг желанный.
На съезде культ развенчан был¹²
И день свободы долгожданный
Для всех народов наступил.

И возвращаться стали вскоре
Домой чеченцы, ингуши,
Балкарцы и калмыки, гора
Хлебнувши в северной глуши.
В степях голодных Казахстана,
Где смерть входила в каждый дом
И день казался страшным сном,
А ночь в тревоге постоянной.

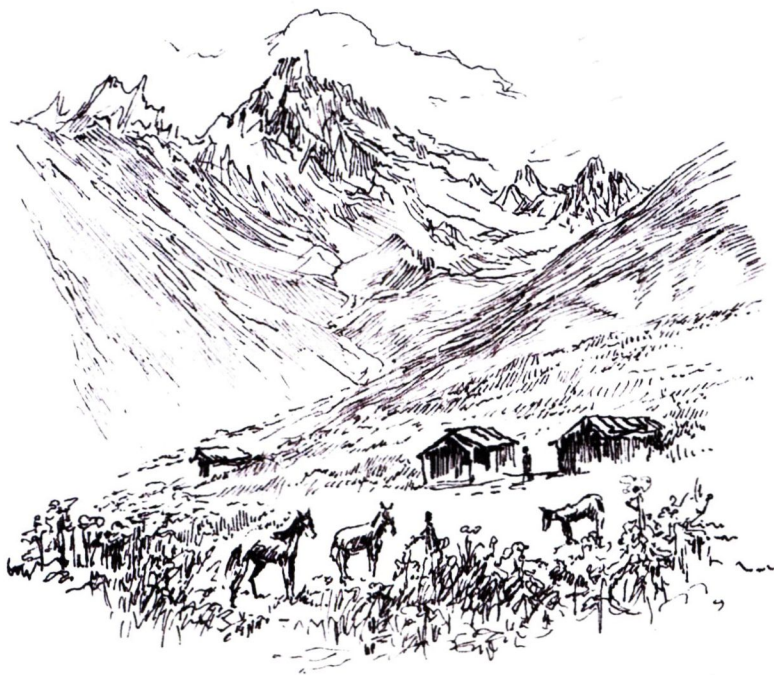
Итак, вернувшись в Хасавюрт,
Чеченцы стали здесь селиться
На время, где жильё найдут
Они старались разместиться.

Одна чеченская семья
Остановилась у Шольяха.
Стол у окна, кровать, скамья
И на двоих одна рубаха.

¹² 1956 г. XX съезд КПСС доклад Хрущёва «О культе личности Сталина».

Ну, в общем, жили небогато.
Глава семейства был Лага,
Он чтит Шольяха старшим братом,
Ему в хозяйстве помогал.

Нашлась работа всем. И каждый
Кормиться смог своим трудом.
Все жили дружно. Но однажды
Напомнил случай о былом.



Глава 2

В июле года через три,
С лучами утренней зари
Поднявшись, выпив чашку чая,
Овчину прикупить желая,
Шольях приходит на базар,
Что был в двухстах шагах от дома.
Всё здесь давно ему знакомо,
Тут знал его и млад, и стар.

Вот рынок. Множество народа,
Вдруг видит он, сидит у входа
Старик. Орехи перед ним
В мешке. Он их перебирает,
Купцов прохожих зазывает.
Шольях предчувствием гоним
Никак пройти не может мимо.
Уж так похож на побратима
Чеченец старый у ворот.
И вот Шольях к нему идёт.

Да! Взгляд всё тот же злой, жестокий,
И узловатая рука
Сжимает трубку. Ножны сбоку,
А в них кинжал. И у виска
Багровый шрам. «Наверно, где-то
Досталось, братец и тебе –

Шольях подумал - знать по свету
Пришлось скитаться, и судьбе
Твоей завидовать не стоит.
И пусть всевышний совершит
Свой суд. Харам никто не скроет.¹³
От Божьей кары не сбежит».

Так это всё переживая,
Он возвращается домой.
А дома сыновья встречают:
«Случилось, что-нибудь с тобой?
Отец, расстроен ты, как видно.
Ты за вопросы нас прости,
Быть может, словом кто обидным
С тобой обмолвился в пути?»

«Да, я Тавхо на рынке встретил.
Меня он будто не признал,
Хотя тревогу я заметил
В его глазах, но я не стал
С ним говорить. Теперь не знаю,
Как этот камень снять с души.
Нельзя мне боль, как негодяю,
Поступком подлым заглушить».

Схватились братья за кинжалы
«За кровь твою убьём врага!
Отец! Змее мы вырвем жало»!
Но тут в воротах встал Лага:

¹³ Харам – нечистое, подлость.

«В любом народе отщепенцы
Бывают. Так я вам скажу.
Я сам от имени чеченцев
Тавхо за подлость накажу!»

И с тем он двинулся на рынок.
Кинжал с собою прихватил,
Но не сложился поединок,
Тавхо давно уж след простыл.

А люди все вокруг сказали:
«Его мы раньше не встречали
Пожитки быстро он собрал,
На лошадь сел и ускакал.»

Так кровник вновь исчез из виду,
Кто знает, явится когда?
Шольях решил забыть обиду,
Изгнать из сердца навсегда.

Глава 3

Прошло чуть больше полугода
С той достопамятной поры.
Январь. Морозная погода,
Давно июльской нет жары.

В один из этих дней к Шольяху
С Лагой, приехал друг Джамал.
Присев за стол и сняв папаху,
Тот друг такую речь держал:

«Я слышал, вы Тавхо искали?
Так вот, в селении Рандак,
Что за райцентром Новолак,
Недавно люди мне сказали,
Там был пожар и дом сгорел,
И человек, погибший в доме,
Тавхо, тот самый ваш знакомый.
Лет двадцать он в тюрьме сидел:
Убийства, грабежи, разбой,
СИЗО, суды и всё такое.
Жена недолго с ним жила,
Уж много лет, как померла.
Но, говорят, есть где-то дети.
А где искать их? Кто ответит?
Недолгим был и тазият,¹⁴
Творил молитвы джамаат¹⁵
И были преданы земле
Его останки. И в селе
Об этом стали забывать,
Ведь время не воротишь вспять».

Гость замолчал. И все молчали
И каждый думал о своём
И было слышно, как стучали
В окошко ветки. Старый дом
Казалось тоже молча слушал.
Но вот молчание нарушил
Шольях. К окну он подошёл
И глядя в даль, промолвил тихо:

¹⁴ Тазият - поминки

¹⁵ Джамаат – старейшины.

«Да, он играл со смертью лихо!
Ни шашка, ни ружейный ствол
Не стали для него преградой,
Но свыше пламень послан был
И нам бы помолиться надо,
Чтоб бог теперь его простил.

И мне придется, может вскоре
Перед создателем предстать.
С отцом небесным не поспоришь,
Любого может он призвать.

Живу я, завистью не болен,
И чист пред Богом и людьми.
И жизнью я своей доволен,
Как и супругой и детьми.

Хочу, чтоб внуков было много,
Они приносят радость мне.
Здоровья я прошу у Бога,
А смерти легкой как во сне.



ЭПИЛОГ

Пришла пора поставить точку
В повествовании моем.
Осталось, эпилога строчкой
Сказать, как было все потом.

Шольях закончил жизнь достойно
Ни дня в постели не лежал.
Ушел мгновенно и спокойно,
Как сам когда-то пожелал.

Да! Тридцать лет уж нет Шольяха
Стрелой за годом год летит.
Но носит внук его папаху.
И имя светлое хранит.

Потомкам помнить остается
О славном прошлом. И тогда
Связь поколений не прервется,
И память будет жить всегда.

Рассказ на этом завершая,
Творить добро мечтаю я.
Всем жизни радостной желаю,
И будьте счастливы, друзья!

2006 г.



ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Я жду, я жду давно ответа
На письма, что послал тебе.
Жить без тебя, что жить без света,
Ты солнца луч в моей судьбе.

Когда пишу я эти строки,
Меня сомнения гнетут,
Любим ли я или до срока
Отвергнут; и не позовут
Твои глаза весною ранней:
«Не оставляй меня одну.
Спешу, лети быстрее лани».
Я шел и в сердце нес весну.

Так было в недалеком прошлом.
Я думаю, глядя назад:
И жить любя - не так уж просто,
И не любя прожить нельзя.
Любовь как горькая настойка
Туманит мозг, пьянит сердца,
Придет - страдать заставит только,
Не жди счастливого конца.

Я понимаю, ты не веришь
Моим словам, любви моей.
Любви ты силу не измеришь,
Гони сомнения, не смей
И думать о моей измене,
О том, что я тебя забыл,
Пусть далека ты, тем не мене
Люблю сильнее, чем любил.

Ты напиши мне пару строчек,
Неужто это трудно так?
Писала ж раньше ты, а впрочем
Все стало на свои места.

Как прежде мы с тобой не ходим
По тихой улице вдвоем.
Чужие мы с тобою, вроде.
Легко ли на сердце твоём?
Уже ли ты забыть сумела
Про годы нашей дружбы? Что ж!
Молить не буду я несмело,
Пусть тень разлуки - в сердце нож!

Пройдут года. Я снова встречу
Тебя в знакомом городке.
Иду. Вдруг ты идешь навстречу
С изящной сумочкой в руке.

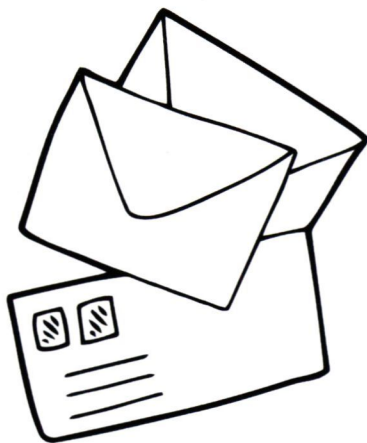
«Ну что ж, - скажу я,
- здравствуй, Надя»,
В твои глаза, взглянув едва.
Спрошу как будто шутки ради:
«Сынишке сколько, год иль два?»

И все ты вспомнишь. Ну, конечно,
Нельзя о юности забыть,
Но я грустить не буду вечно,
Тебе же некогда грустить.

Ну, хватит! Я сейчас закончу,
Мне больше не о чем писать.
Лишь одного хочу я очень –
Заставить сердце замолчать.

Пусть не любим я! Что ж, не надо!
Но вспоминаю вновь и вновь
Ту, что была со мною рядом,
Надежду - первую любовь!

1965-66 гг.



МОНЬКА

Там, где бурная канава
Протекает под мостом,
Там стоит овейн славой
Величавый Монькин дом.

В этом доме много писка,
Слышен он издалека
Там свинья когда-то с визгом
Пожирала индюка.

Монька мелкими делами
Занимался не всегда
Мотоциклами, быками
Торговал он иногда.

Монька режет кур. Недаром
Все всегда его зовут -
После Монькиных ударов
Куры по двору бегут.

На машине в полдень жаркий
Монька тару собирал,
И собаку он, овчарку,
На машину подобрал.

А овчарка по приезде
Род решила продолжать.
Монька в горбольницу ездил
Акушерку приглашать.

Акушерка не успела,
И в укромном уголке
Всех щенят овчарка съела
За здоровье эн Моньке.

Лето, 1966 г.



ПИСЬМО ДРУГУ

Привет! Грустишь, наверно, брат,
Ты в эти тяжкие мгновенья.
Тебя приветствовать я рад,
Призвав на помощь вдохновенье.
И, как во времени былом,
Пишу тебе письмо стихом.
Но это только присказка,
Рассказ начну издалека.

То было девять лет назад.
И были мы с тобой парнями.
Любой был нашим шуткам рад,
Друзья смеялись вместе с нами.
И старшие друзья потом
На нас совсем не обижались,
Когда на них мы с топором
Ночами с криками бросались.

Ты чувствуешь уже, конечно,
О ком пойдёт сейчас рассказ.
Его мы будем помнить вечно,
Хоть нет его уж среди нас!
Наш Яшка был лихой рубака,
Рубил он ловко гов-гусменд.¹⁶
Кричали люди: «Браво, Яков,
Ты, Шхуна, просто агылменд!»¹⁷

¹⁶ Корова-барашка (татск.)

¹⁷ Умница (татск.)

Декабрь. Поздно. Ночь безлунна.
Идёт по улице пустой
Походкой лёгкой Яков-Шхуна,
Он направляется домой.

Сражался в нарды он без страха,
Не зная, что расплата ждёт.
И у Пейсахова Шольяха
Увел он ловко дех монот.¹⁸

Но Бог всё знает! Он всё видит
Он виноватых не простит!
Он невиновных не обидит,
Но грешным станет на пути!
Вот Яшка близится к вокзалу,
Вот он проходит и перрон.
«Пойду-ка я быстрее, пожалуй,
Через пути», - подумал он.
Шёл сам с собою балагурия.
Ночной блокхауз впереди.
И вдруг огромная фигура
Встает стеною перед ним!

Тут Яшка вспомнил мать родную,
Но прежде чем пуститься в бег,
Он закричал «Хо дык стег вую!»¹⁹
Ты ведь хороший человек!»
Но великан не стал и слушать,
Он ловко выхватил топор –
Решил трясти из Яшки душу,
Но Яшка был умом хитёр.

¹⁸ Десять рублей (татск.)

¹⁹ - Ты хороший человек? (чеченск.)

Рванул стрелою. Вот ворота
И комбикормовый завод.
Он прыгнул на ворота слета
И закричал «Ну, где народ?!
Милиция! О сторож! Если
Вы не поднимитесь сейчас,
Меня чеченцы в гневе мести
Зарубят топорами враз!»

И тут же в сторону другую
Помчался рослый человек.
От смеха трясся на бегу он,
Вокзал промчался, сбавил бег.
Бежал он в город от вокзала,
Топор под мышкою держа,
Налево через два квартала
Стучит в окошко чуть дыша.

Ему, конечно же, открыли.
Он всё им тут же рассказал,
И Яшку разыграть решили.
И вот он утром прибежал.
И Ильсофон не удержался –
«Я слышал будто бы вчера,
Один чеченец возмутился,
Ушёл еврей от топора!».

«То я ведь был! - Воскликнул Яшка.
И если б не был быстрым я,
Меня б рубили как барашку,
Чтоб делала моя семья?!

Я побывал в горячей точке,
Как был в багажнике Шомпиль,
Как человек в карбидной бочке,
Вы помните про эту былль?»

Да-да, мы помним обо всём.
Об этом речь в другой главе.
Я напишу тебе потом,
Уж зреют мысли в голове.

И, может быть, дней через пять,
Я напишу тебе опять.
Конечно, если Банабах
Не будет у себя в горах.
Ему смогу я передать,
Тебе поэму прочитать,
Пусть бог пошлёт нам вдохновенье.
К сему твой друг, Исаков Женя.

Лето, 1979 г.

* * *

Мой милый друг! Когда конверт откроешь,
Пусть не дрожит листок в твоей руке.
Не надо грусти! Я всегда с тобою,
Плыви достойно в жизненной реке.

Ах, как тебя мне хочется поздравить.
Хочу тебе я счастья пожелать,
От всех волнений и забот избавить,
И все цветы одной тебе отдать.

Пусть будет новогодний праздник ярким,
И радость пусть невздадам вопреки,
Пусть от вина и танцев станет жарко,
И пусть не будет места для тоски.

Двенадцать скоро. Нужно торопиться.
В минуты эти вспомни обо мне.
Пусть дед мороз в окно твоё стучится,
Неся подарки как в волшебном сне.

Снегурочка взмахнёт косою с бантом.
Уж Новый год, курантам бить пора.
И ночь, как балерина на пуантах,
Закружит бал до самого утра

Декабрь, 1987 г.

* * *

Ты прекрасна как луч зари,
Как звезда, что в небе горит.
Лик луны пред тобою слаб,
Царь зверей пред тобою раб.

В бухгалтерии ты сидишь,
На счета целый день глядишь,
А вокруг все бабье, бабье,
Вот бы дать бы тебе ружье!



Тут приходит начальник твой
И зудит над твоей головой:
«Замуж выйдешь скажи, когда?»
Ты красавица, хоть куда!

Ведь негоже тебе сидеть
У родителей день и ночь.
Я на свадьбе хочу попеть
И попить я тоже не прочь»

А по улице как пойдешь,
Мужики горазды пристать,
Норовят куда-то позвать.
Ну, куда ты их всех пошлешь?

А соседи-то круглый день,
Все наводят тень на плетень,
То одета не так, то вдруг
У тебя появился друг.
Кто такой? Почему чужой?
Вдруг узнает начальник твой!

И лишь я могу пожалеть,
Написать стихи, песню спеть,
Рассмешить вот так иногда.
Знай и будь со мною всегда!

Осень, 1993 г.

* * *



Я Вами очарован был мгновенно,
Лишь только в Ваши заглянул глаза.
Вам много так шептали, несомненно,
Не замечать красивое нельзя.

Ах, как же мне увлечь Вас, я не знаю.
Вы стюардесса, я лечу в Москву.
Все кажется ненужным, понимаю.
И все же вновь и вновь я Вас зову.

Наверное, напрасно я пытаюсь
Поймать Ваш взгляд и Вас разговорить.
Вы так милы. Я все же постараюсь
Вас встретить вновь и розы подарить.

Я счастлив, что могу так вдохновенно
Увлечься, и стихи для Вас писать.
Я с Вами познакомлюсь, непременно,
И с нетерпением буду встречи ждать.

22.11.94 г.

* * *

Нам случай снова встречу подарил,
Твоя улыбка как всегда прекрасна.
Все в этом мире вовсе не напрасно,
И я тебя, как видишь, не забыл.

И я опять твой чудный взгляд ловлю.
Ты грациозно ходишь по салону.
Я за тобою наблюдать люблю
И голос слышать твой из мегафона.

Но как же быть? Кружится голова.
Ужели мы с тобой не будем рядом?
И я ищу те главные слова,
Которые тебе поведать надо.

Сказать о том, что жизнь так коротка,
И сколько мне осталось, я не знаю.
Я так хочу, чтоб ты была близка,
И о тебе я с нежностью мечтаю.

13.02.95 г.

ОСЕННЕЕ ТАНГО

Помнишь осенний сквер,
Желтой листвы шуршанье?
Злым языкам не верь,
Незачем нам прощанье.

Жду я тебя всегда,
Жду с самых давних пор,
Пусть обойдет беда,
Нашего детства двор.

Трепетные слова
И обещанье встречи
Дождик шептал едва
В этот осенний вечер.

Время стрелой летит.
Где ты, любовь, теперь?
Желтой листвой шуршит
Хмурый осенний сквер.

Сентябрь, 1995 г.

* * *

Ну, вот и все, я улетаю,
Сожгли с тобою мы мосты.
Пройдёт немного дней, я знаю,
И обо мне забудешь ты.

И всё же я скрывать не стану,
Покоя нет в моей душе.
Я вспоминать не перестану,
Как ты сказала о «Лапше»

Тот вечер раннею весною,
Он начинался чудно так.
Но что-то вдруг стряслось с тобою,
Иль то судьбы не добрый знак?

И вот нашла коса на камень,
И мы на разных полюсах,
И все, что было между нами,
Осталось лишь в моих мечтах.

Ты всё забудешь. Жизнь прекрасна.
Приедет друг твой на «Оке»,
Ты вместе с ним рука в руке,
В машину сядешь, и напрасно,

Я буду думать о тебе.
Но благодарен я судьбе,
Что был хоть раз с тобою рядом
И целовал тебя хоть раз.

А может, и грустить не надо.
Что ж! Время пусть рассудит нас!
Прекрасно, счастливо живи!
Желаю солнца и любви!

06.03.96 г.

ВНУЧКЕ

Жизнь уходит медленно, но верно.
Только не об этом грусть моя,
И, конечно, счастлив я безмерно,
Что любил и был любимым я!

Я грущу о молодости славной,
О судьбе, что не была легка.
Жаль, что не достиг я цели главной,
Все уносит времени река.

Счастлив я, что подрастает внучка
С именем аварским Биличо!
И мои седины гладит ручкой,
Оседлавши дедово плечо.

Помню обо всех ушедших рано
Блиzkих и любимых мной людей,
Их я вспоминать не перестану,
Каждый - это часть души моей.

И, наверно, нужно жить надеждой,
Что любовь и радость впереди,
Но и помнить все, что было прежде
Память сердца пусть стучит в груди.

Счастлив я, что жизнью не обижен,
Что красивых вырастил детей,
Сколько внуков я еще увижу?
Сколько предстоит счастливых дней?

А когда я по призыву с неба,
Окажусь в неведомой стране,
На могильный камень корку хлеба
И стакан воды поставьте мне!

1997 г.



* * *

Есть завод-красавец в Кавминводах,
В регионе он такой один,
На посту директора завода
Там стоит России Гражданин.

От большого сердца людям нашим,
Он готов нести тепло и свет,
Россиянин Вячеслав Дадашев,
Бизнесмен, трудяга и поэт.

И работал он без пышной фразы,
Строил, создавал родной завод,
С именем славянским, сын Кавказа,
Гордость региона Кавминвод.

Кто хоть раз прошелся по заводу,
Говорит, что там вода поет,
Не напрасно, как живую воду,
Вся страна «Славяновскую» пьет.

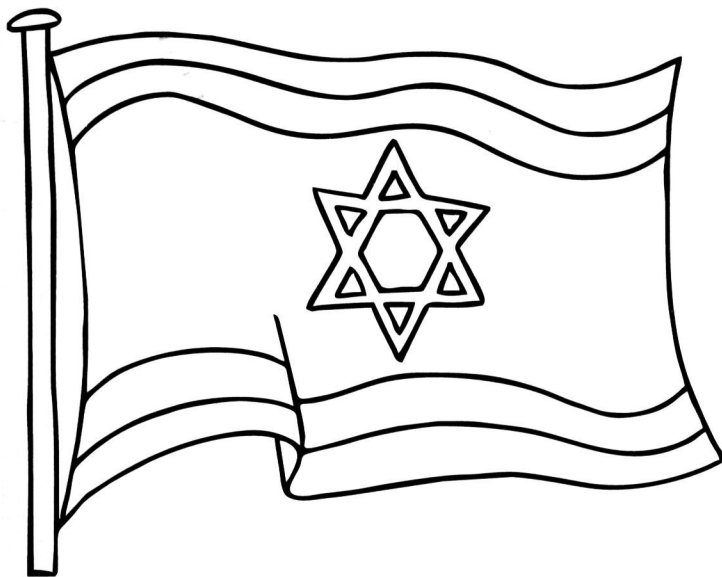
1997 г.

ПЕСНЯ ОБ ИЗРАИЛЕ

Народ великий, многие столетья
Живёшь ты в богоизбранном краю.
Погромы, горе, смерть и лихолетье
Обрушивались на страну твою.

И в дни войны, явившей катастрофу,
Казалось, что страданиям нет конца.
И шёл народ мой на свою Голгофу.
И пепел до сих пор стучит в сердца. *(2 раза)*

Припев: Исроэль – мечта народа!
Исроэль, ты дух свободы!
Сквозь тысячи лет
Сияет твой свет,
И ты в наших душах воспет, Исроэль!



Но знали мы невечно зло на свете,
И жили все, надежду затая.
И как заря над голубой планетой
Восстал Израиль – Родина моя!
 И путь нелёгкий, пройденный странюю,
 Уходит вдаль на долгие года,
 И над моей истерзанной землёю
 Звезда Давида пусть горит всегда. (2 раза)

Припев:

Март 1998 г.

* * *

Морозный день уж близится к концу,
Кружат снежинки за моим окном,
Прикосновење к твоему лицу
Мне кажется теперь чудесным сном.



Предновогодний вечер. Полон зал.
И женщины красивые вокруг.
Но я с тобой одною танцевал,
Так ты меня очаровала вдруг.

Волнующие линии твои
Я вспоминаю с чувством наслажденья,
И, с трепетом дыханье затаив,
Я вижу сероглазое виденье.

Наверное, от скуки ты была
Со мною в ресторане после бала.
Звонков моих ты вовсе не ждала,
И встреч со мной, конечно, не искала.

И все же я тебя благодарю!
Я выдержу, не слабый, не заплачу!
И эти строки я тебе дарю.
Прости меня, я не могу иначе.

11.01.99 г.

МОЙ ДАГЕСТАН

Я прихожу на берег моря,
Где под ногой шуршит песок,
Шумит волна, с волною споря,
И солнцем озарен восток.

И стоит небу проясниться,
Как море станет голубым,
И ветру незачем сердиться.
Реветь над Каспием седым.

Мой Дагестан красив как прежде,
Одетый в зелени наряд.
Я уезжал, храня надежду,
Что я еще вернусь назад.

И вновь места родные вижу,
Предгорья, где течет Сулак.
Я не был здесь судьбой обижен,
Все для меня тут добрый знак.

И от садов Табасарана
До хасавюртовских полей
Я славлю землю Дагестана
Как память юности моей.

Апрель, 1999 г.

* * *

Приснилось мне: стою у моря,
Волна достать меня спешит,
И голос: «Счастье или горе
Ты для себя избрал? Реши!»

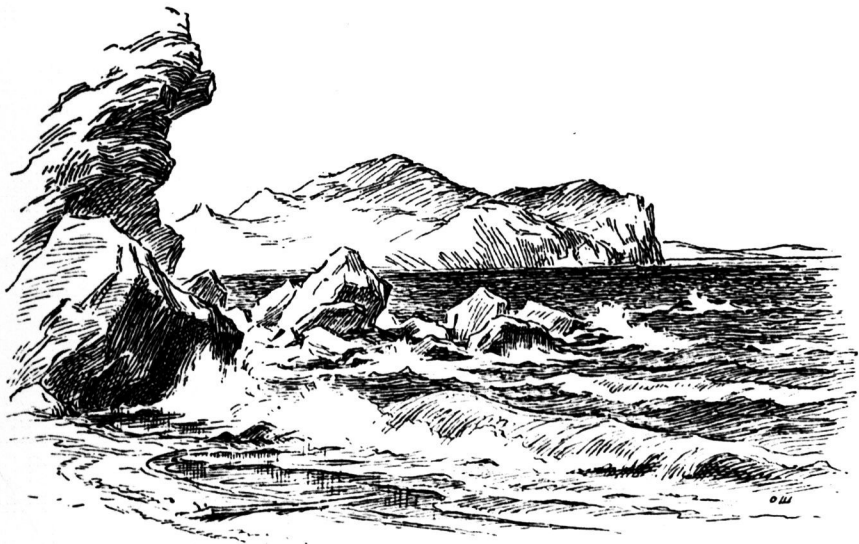
«Конечно, счастье! - я ответил.
-Я, как и каждый человек,
Желаю, чтобы мир был светел
И горе сгнуло навек».

«Тогда, - сказал мне голос тайный,
Готовься в путь за мной идти,
Ты оказался здесь случайно,
Брось этот берег, уходи.

А там, за дымкою морскою
Лежит прекрасная страна,
И нет там осени с зимою,
Там круглый год царит весна!»

«Нет, - отвечал я, - недостойно
Бежать как крыса с корабля!
Да, здесь тревожно, беспокойно,
Но это все ж моя Земля.

Дорог я множество измерил,
Но всюду знал и верил я,
Что для меня откроет двери
Мой Дагестан, страна моя.



Я не за тем сюда вернулся,
Чтоб вновь уехать в никуда.
На том покончим». - Я проснулся.
Ну, что ж. Да, будет так всегда!

1999 г.

* * *

Прощай! Что делать? Не сложилось.
Я в дверь твою не постучусь.
Нет виноватых! Так случилось,
И я назад уж не вернусь!

Ты не грусти! Наступит лето,
Ты к морю теплomu придешь.
Проходит все! Пройдет и это,
И друга ты себе найдешь.

Пусть будет небо над тобою
Прекрасным, чистым, голубым,
И что начертано судьбою,
Найдет свой путь к мечтам твоим.

Что до меня, то мне осталось
Ходить недолго по земле.
На свадьбе на твоей мечталось
Сплясать лезгинку на столе.

Я ни о чем не сожалею
И взгляд твой мысленно ловлю.
Моя мистическая фея,
Тебя я помню и люблю!

09.04.99 г.

РАССВЕТ У МОРЯ

К исходу ночи мне не спится,
Иду на берег к рыбакам.
Вода обнять меня стремится
И нежно ластится к ногам.
И морю тоже не до сна,
О чём-то шепчется волна,
И уж давно остыл песок,
Но час рассвета недалек.

Бледнеют звезды, и с востока
Вот-вот пробьется солнца луч.
Валун, зеленый лежебока,
Волну дробит. Обрывки туч
Уносит к горизонту ветер,
И неба край совсем уж светел,
И воздух криком чаек полон,
Скользящих ловко между волн.
Так ночи исчезает тень...
И в мир приходит новый день.

1999 г.

*Памяти Ибрагима Гасанбекова,
одного из лучших форвардов
за всю историю дагестанского
футбола, погибшего в
автокатастрофе
в Махачкале 03.07.99 г.*

Ты ушел от нас далеко,
И душа твоя высоко!
Ты от бога форвардом был,
И игру ты как жизнь любил!

Ты прекрасной душой хотел
Всех всегда обогреть вокруг.
Был красив ты, честен, и смел,
И надежен ты был как друг.

Жаждой гола ты был томим
Атакующий Ибрагим.
«Гасанбеков! Вперед, вперед!» -
На трибунах кричал народ.

Ты в игре не щадил себя!
Ибрагим! Мы помним тебя!
Перед вечностью ты забил
Гол в ворота Торпедо-Зил.

Праздник сделал ты нам тогда,
Чтоб назавтра в небо уйти.
Жизнь, горевшая как звезда,
Оборвалась на полпути.

Невозможно звезду забыть!
Память сердца хранит народ!
И во времени будет жить
Гром трибун: «Ибрагим, вперед!»

7 июля 1999 года



ГРУСТЬ

Мое сердце горит огнем,
Дважды в реку войти нельзя,
Я искал тебя ночью и днем,
Все мечтал заглянуть в глаза.

Для тебя это все пустяк.
Среди множества встреч - одна.
Я-то знаю, что все не так,
Эту чашу испил до дна.

Мне не нужно такой любви,
Что как рыба бьется об лед.
Я тебя не нашел, увы,
От меня ты ушла в полет.

Пусть другие рядом с тобой,
Кто там лучше, тебе судить.
Только с поднятой головой
Я хочу по земле ходить.

Вот и все! Прощаюсь с тобой!
Пусть живется тебе легко.
Будет грустно, ты песни пой
И летай всегда высоко!

2000 г.

«ВПЕРЕД, ДИНАМО»

Восходит солнце над горами,
Над синевой каспийских волн,
Зовет болельщиков «Динамо»
Спортивной славы стадион.

И гром трибун!!! Танцуют фаны
Под флагом бело-голубым,
И бьют лезгинку барабаны,
И мы сегодня победим.

Припев:

Вперед, футбол! Вперед, «Динамо»!
Тебе наказ народом дан:
Играй красиво и упрямо,
С тобою гордый Дагестан.

Игру подарит нам команда,
И пусть дорога непроста,
Приедут к нам футбола гранды,
Мы верим, сбудется мечта.

И на футбольном небосклоне
Зажжется новая звезда,
Команда станет чемпионом,
И мы с «Динамо» навсегда!

2003 г.

* * *

Приснилось мне, что я лежу привязан
И надо мной Артур-стоит с ножом:
«Ваш Абакар мне сотню штук обязан,
А Вы в плену и здесь теперь Ваш дом.

Я каждый день Вам палец резать буду,
И так пока долги мне не вернут.
Пусть Абакар в Москве поищет ссуду;
Надеюсь, люди все меня поймут».

Вдруг слышу голос вдалеке Османа:
«Эй Абакар, ты беспредел творишь.
Из-за последствий твоего обмана
В плену наш друг. Ну что ты там молчишь?

Да он однажды прострелил колёса,
Когда команда ехала в Ростов,
Но я тогда сказал не будет спроса
Он за команду жизнь отдать готов.

Да я ему не заплатил зарплату
И премии ему я не додал,
Но относился я к нему как к брату
И я его не резал, не стрелял!

Артур – организатор спортивных сборов футбольных команд в г. Кисловодске

Абакар – вице-президент ф/к «Видное»

Осман Кадиев – президент ф/к «Динамо» Махачкала

И ты послушай моего совета,
Отправь-ка деньги, не тяни ни дня,
Ведь за него потребуют ответа
Евреи и аварская родня.»

Тут из Мадрида позвонил Виталик:
«Что там еще за лишний разговор?
Пусть вам поможет Эсенкаев Алик
Его Рашида мы возьмем на сбор».

Ещё сказал он: «Я намылю шею
Всем! Абакар, ты с этим не шути,
Не дай погибнуть старому еврею,
Он пригодится нам ещё в пути.

Но пусть потерпит общей цели ради!
Всех пальцев мы отрезать не дадим.
Дней через двадцать будем в «шоколаде»
Пусть отрезают за три дня один.»

Тут слышу сильный голос Абакара:
«Артур, ещё немного подожди,
Не создавай ты лишнего базара,
Сейчас январь и вечность впереди!

О, Герцельевич! В марте, обещаю,
Артуру точно деньги перешлю
Вы тренер мой и Вас я уважаю,
И как отца, почти, я Вас люблю!

Виталий – президент ф/к «Видное»
Эсенкаев Алик – капитан ЛОВД аэропорта «Минводы», просил
взять на сбор его племянника Рашида.

Бывают в жизни и шипы и розы
Кто не страдал, тем не дано понять.
Вам будут резать пальца под наркозом
И так удастся боли избежать!»

Тут я глаза открыл и нет виденья
Лежу один я в комнате пустой,
И я решил без всякого сомненья,
Что демон зла бессилен предо мной.

Давно я так в поту не просыпался,
Но солнца зайчик вдруг шмыгнул в окно,
Я понял всё и мигом распрощался
С кошмаром ночи и ужасным сном.

И тут же мысль пронзила: «Жизнь прекрасна
Хотя вокруг немало шелухи.
Я жизнь люблю безудержно и страстно!
Пойду гулять и сочинять стихи!»

Январь, 2004 г.

*Памяти Шевалье Нусуева
известного тренера спортивных
единоборств и мецената*

Ночь над Каспием летом
Коротка и темна,
Дождаясь рассвета,
Бьет о берег волна.

Звезды, падая, гаснут
Словно чьи-то сердца,
Но страданья напрасны
Нет у жизни конца.

Думал так не однажды,
Глядя звездам вослед,
Мальчик, духом отважный
Горцев сын Шевалье.

Рос он сильным бесстрашным
Горский парень простой
Добрый с сердцем прекрасным
И с большою душой.

Жил он страстно, размахом,
Хоть и прост был на вид,
Без упрёка и страха
Дагестанский джигит.

Был он братом и другом
Для детишек сирот
Со спасательным кругом
Приходил он в народ.

И легенда ходила
О его доброте,
Словно солнце светил он,
Согревая детей.

Но рукой негодяя
Был сражен наповал
И от пуль умирая
Сердце людям отдал.

Так звезда закатилась
И от скорби людской
Догорела и скрылась
Под каспийской волной.

И останется людям
Память сердца хранить
Дел его не забудем!
Надо помнить и жить.



03.09.05.

* * *

Пол неба золотом пылало
Мир просыпался ото сна
К песку прибрежному устало
Бежала за волной волна.

«Откуда Вы - спросил песок-
-К вершинам горным прикатили?»
Журчали волны: «Там мы были,
Где по утрам горит Восток!

Мы много дней уже бежим
От самых берегов Ирана
Манят нас горы Дагестана
И мы остаться здесь хотим.

Нам пели ветры на просторе
Душой прекрасен здесь народ
И Каспий - ласковое море,
И чуден синий небосвод.»

Песок ответил: «Оставайтесь
И, уплывая, возвращайтесь
Вершин причудливый зигзаг
И звездной ночи полумрак
Вас неизменно будут ждать,
И с Вами о любви шептать.»

2006 г.

* * *

Мне шестьдесят. Я видел много стран.
Летят в пространстве города и годы,
Но нет земли родней, чем Дагестан,
И нет прекрасней моего народа.

Когда я приезжаю в Хасавюрт,
Меня в объятия город заключает.
И силу духа горы мне дают,
И запах трав покоем наполняет.

Здесь мной прожито сорок с лишним лет.
И уезжать пришлось и возвращаться.
Но дом мой тут, другого в мире нет!
Мой Дагестан, с тобой хочу остаться!

Да! Есть ещё далёкая страна
И голос крови. Он зовет, я знаю.
Но, Родина, ты всё-таки одна,
Перед тобой колени преклоняю.

05.07 г.

АЛЁНА

Ах! Алёна, Алёна,
Как берёзка стройна
Сколько взглядов влюблённых
Привлекает она!

Был и я очарован
Светом бархатных глаз.
Красотой околдован,
Став мальчишкою в раз!

Но она непреклонна
И со всеми ровна.
Ах! Алёна, Алёна,
Ты чужая жена.

Но как в песне поётся,
Солью ран не трави.
Всё равно мне неймётся:
«Хоть разок позови.

Расскажу тебе сказку
О лазурных волнах.
Подарю тебе ласку
Так, хотя бы в стихах

Будь весёлой, счастливой
Не грусти никогда
Гордой будь и красивой
И любимой всегда!»

02.09.10 г. Новороссийск

* * *

Не по-зимнему солнце греет,
Так в один из февральских дней
Подсобрались наши евреи
На поминки тети моей.

Джамаат раввина послушал
И молитва стремилась ввысь,
А потом джамаат покушал
И мужчины все разошлись.

Женщин очередь тут настала
Все уселись чинно за стол.
Оля Савченко прибежала:
«Опоздала, простите – мол.»

Оживленно пошла беседа
Вспоминали близких родных,
Ну а также друзей, соседей
А потом и тех и других.

Вдруг раздался крик безутешный:
«Потеряла я телефон.
Все ищите его поспешно
Так без умно мне дорог он».

Это Оля была, конечно:
«Всех прошу я искать скорей
Мне так дороги бесконечно
Номера моих сыновей!»

Джамаат – дех мерд – десять мужчин во главе с Раввином,
читающих поминальную молитву «Кадиш»
Оля Савченко – племянница, дочь брата

В разговор тут вмешалась Дора:
«Прекрати базар, не гони!
Если ты не закончишь спора,
Оболью тебя ягыни.

Если этого будет мало
Закидаю тебя долмой,
Приготовила я немало
На поминки, само собой».

Тут появился братец наш Ёся:
«Оля, найдем телефон, успокойся.
Дело прошлое, утварь какая
Здесь телефоны куда-то таскает?»

Все закричали: «Есть Жорик у нас.
Свяжется Жорик с системой ГЛОНАСС,
Спутник направит с орбиты лучи,
Вот и найдутся к загадке ключи».

Тут поступает сигнал с МКС:
«Это для вас не халявный процесс,
Если Марина нас всех подстрижет
Только она телефончик найдет».

Громко Марина воскликнула: «Да!
Стричь космонавтов я буду всегда!»

Дора – родственница, готовившая еду на поминках
Ягыни – жаркое из мяса и картофеля
Жорик – сын брата, компьютерщик
Ёся – брат
Марина – жена племянника, парикмахер

Тут же Марине сигналы пришли,
К креслу Марину они подвели.
Шубы, дубленки она подняла
И телефон там под ними нашла.

Оля, счастливая, бросилась в пляс:
«Браво Марина, спасибо ГЛОНАСС.»

Жорик, конечно, остался в тени,
Гости покушали всё ягыни,
Дора сготовила вкусный долма
И потрудилась изрядно весьма.

Жаль, только не было с вами меня.
Я вас люблю, дорогая родня!

Февраль, 2012 г.

* * *

Удивительная Астинэ,
Этой ночью причудилось мне,
Как гуляли мы в парке с тобой,
Фонари укрывались листвой.

Жёлтым оком светила луна,
Лодки тихо качала волна,
И о чём-то шептала вода
Уткам, спящим на глади пруда.

Закрывается парк до утра,
Нам с тобой расставаться пора.
Я тебя провожу, как всегда,
И опять не услышу я: «Да!»

Астинэ, ты меня позови,
Буду ждать и мечтать о любви.



2016 г.

КО ДНЮ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

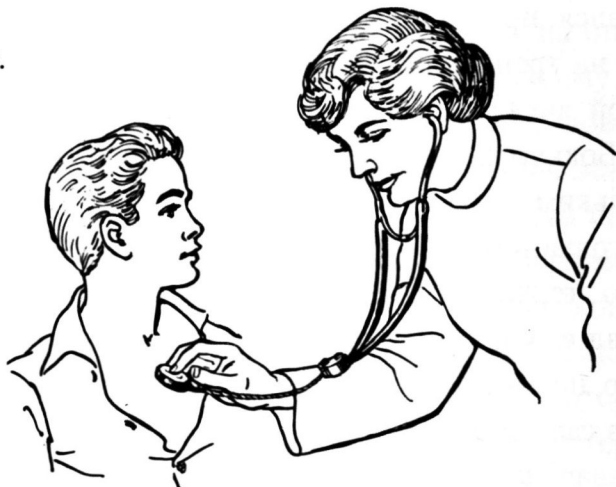
Врачи! Магическое слово.
С пеленок слышал я его.
Они мне счастье быть здоровым
Дарили с детства моего.

И очень часто ваши руки
Спасали жизни вновь и вновь!
Сердец чарующие звуки
Несли нам радость и любовь.

Бывает, так ночей не спите,
Когда в отчаянии мать
Вас просит: «Доктор, помогите!»
И вы приходите спасать.

И пусть воздастся вам сторицей!
И вас ведет рука творца.
Да будет свет на ваших лицах,
И луч добра горит в сердцах.

2018 г.



БОККУР

В 1973 году я работал в часовой мастерской на городском рынке в г. Хасавюрте. Мастерская находилась рядом со столовой, возле которой всегда было много народа. Между мастерской и входом в столовую на складной скамеечке сидел старик, который торговал батарейками, фонариками, лезвиями для бритвы и прочей мелочью, напроць отсутствовавшей в магазинах. Старика звали Боккур. Он был кумыком по национальности и говорил на нескольких языках народов Дагестана, что помогало ему в общении с покупателями. С Боккуром у меня был договор: я собирал часы в анодированном желтом корпусе и продавал ему, а он торговал ими на 8 -10 р. дороже. Часы он брал у меня по 15 р. за штуку. Это была неплохая прибавка к заработку от ремонта часов, если учесть, что месячная зарплата инженера тогда была 90 р.

Стоял сентябрь. Был солнечный теплый день. Я собирался продать часы Боккуру, закрыть мастерскую и пойти на тренировку футбольной сборной города, игроком которой являлся. Я подошел к Боккуру и предложил ему часы. Боккур сидел уже в изрядном подпитии, окруженный несколькими собутыльниками. Видимо он хорошо поторговал и был доволен собой и своей торговлей. Во рту у него торчал мундштук с сигаретой, дым от которой попадал ему в глаз, и он его щурил, глядя на меня другим. Боккур посмотрел на часы и медленно и важно произнес: «Арюв саат, янгы саат, ахча йок». В переводе с кумыкского это означало: «Красивые часы, новые часы, денег нет».

Продолжая хитро шуриться, он ждал моей реакции. Я напомнил ему о нашем договоре по поводу покупки часов. Он ответил, что т.к. денег нет, он может дать мне вместо 15 р. 13 р. Я понял, что он ломает цену, и не стал с ним спорить. В голове у меня мгновенно созрел план мести Боккуру. Я вернулся в мастерскую и собрал другие часы, как две капли воды похожие на предыдущие, но внутри не было половины деталей. То есть это была бутафория, внешне имеющая вид часов. Этим дело не кончилось. Я поймал муху и положил ее под крышку часов на место недостающих деталей. В это время ко мне пришли двое ребят и спросили, иду ли я на тренировку. Это были Игорь и Ибадик, недавно попавшие в сборную города по футболу. Они были на 9 лет моложе меня, но тем не менее я их считал своими друзьями. Я сказал им, что иду на стадион, но нужно сделать одно дело. «Возьмите часы и отдайте их вон тому старику - сказал я, показывая на Боккура. Он скажет, что денег нет и предложит 13 р. вместо 15 р. Продайте ему часы, принесите мне деньги и быстро уходите с базара. Я приду на стадион позже.» Ребята подошли к Боккуру и предложили ему часы. Тот торжествующе посмотрел в мою сторону, довольно хмыкнул и протянул им 13 р. Друзья принесли мне деньги и тут же ушли с базара. И не зря, потому что Боккур пришел ко мне через пять минут. «Сен эткен саатыны юрюмей!» - воскликнул он возмущенно. В переводе с кумыкского это означало: «Часы, которые ты сделал, не ходят». Я показал ему первые часы и объяснил, что это те часы, которые я приносил, а эти, которые не ходят, не мои. Растерянно постояв немного, Боккур сказал: «Якши. Ремонт эт!

(Хорошо, отремонтируй эти часы)». Я ответил, что у меня нет запчастей и посоветовал ему отнести их в мастерскую, которая стояла перед входом в базар. Там сидело пять мастеров. Часы попали в руки мастера Рукмана. Когда Рукман открыл крышку часов и достал пинцетом муху, в мастерской стоял гомерический хохот. Бедному Боккуру пришлось за ремонт заплатить 8 р. И это было наказанием за жадность. И с тех пор, когда мы собираемся с друзьями на каком-нибудь торжестве, меня просят рассказать о том, как были проданы Боккуру часы с мухой. А один из друзей как-то сказал: «О часах с кукушкой знаю давно, а вот о часах с мухой слышу впервые».

Давно нет Боккура и многих стариков близких и дальних. Бег времени неумолим, и бывая, иногда, в Хасавюрте, я прихожу на базар и вспоминаю о былом, о молодости.

Хорошее было время.

19.01.06

* * *

Время вышло, часы пробили,
За строкою бежит строка.
То большое, о чем забыли,
Лучше видно издалека.

Клуб был создан, и вас позвали,
Посчитав своими людьми,
Вы контейнеры оставляли,
Чтоб прийти работать с детьми.

Дифирамбы были и речи,
И победных турниров вал,
Но от «стука» погасли свечи –
Так закончился этот бал.

Главный тренер ушел вначале,
И лишился клуб головы.
Вышел старший, все промолчали,
И без сердца остались вы.

Президента с приставкой «вице»
Нет. Он фальши не мог терпеть.
Вам подумалось как бы лица
Сохранить, чтобы не краснеть.

И когда систему сломали,
Вы седьмыми остались вдруг,
И, наверное, осознали,
Что замкнулся коварства круг.

Обижаться на вас не нужно,
Про таких, как вы, говорят:
«Бог, прости их больных, недужных,
Ведь не ведают, что творят».

А мальчишкам мы скажем прямо:
«Вашей нет здесь ни в чем вины.
Вы идите вперед упрямо,
Будьте счастливы, пацаны!»

Осень 2011 г.

О ЛЮБВИ!

Любовь с тревогою внимает,
Как сердце бьется, а душа
Горит, как будто понимает
Нельзя любовь огня лишать.

Любовь придет, страдать заставит,
И невозможно предсказать:
Кого она сейчас отравит
Или принудит задремать.

Мне у любви спросить хотелось:
«Ужель не видишь смерть свою?
Не уходи, останься, прелесть,
Я о любви тебе спою.

Спою о том, как трудно было
Найти друг друга без тоски,
Но ты об этом позабыла,
Мою любовь зажав в тиски».

Я испытал любовь и знаю,
И пусть она меня простит.
Я поспешу и понимаю,
Ее еще смогу спасти!

2020 г.

**ГАЗЕТА «NEW YORK EVENING REVUE»,
24 АПРЕЛЯ 2021 ГОДА:**

Сегодня утром на чрезвычайной Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке, состоявшейся по требованию лидеров стран Евросоюза и Нового арабского блока, выступила представительница Израиля Мириам Новак.



Она сказала: - Досточтимый господин председатель, уважаемые дамы и господа!

По требованию лидеров стран Евросоюза и Нового арабского блока нас вызвали на эту Ассамблею с целью объявить решение о введении международного бойкота Израиля в связи с применением нами, как они считают, генетического оружия. Но нас не было на вашем вчерашнем заседании не потому, что мы, якобы, без уважения относимся к ООН, а потому что вчера начался Песах, главный праздник нашего исхода из Египта.

Как вы знаете, мы не работаем по праздникам, дарованным нам Всевышним, точно так же, как мусульмане не работают в Рамадан, а христиане на Пасху. Правда, в 1973 году, наши враги попробовали воспользоваться этим и заставили нас воевать в Судный день, но чем закончилась для них эта война, вы знаете.

А теперь позвольте перейти к сути моего выступления.

В 2018 году Биньямин Нетаньяху показал тут иранские архивы создания ядерного оружия и склады ядерного арсенала в Тегеране, а недавно Ицхак Гилад продемонстрировал вам секретное заседание Совета Стражей исламской революции. Теперь я продолжу эту традицию и покажу материалы, реконструированные нашими создателями голографической реальности. Прошу...

В зале заседаний изменился свет – люстры погасли, но, к изумлению всех полутора тысяч участников ассамблеи, огромный зал вдруг пронзили солнечные лучи осеннего дня, запахи жухлых каштановых листьев и шум шагов гигантской толпы. И не с настенных экранов, а буквально из ничего вдруг – по воздуху — пошла на делегатов ООН живая колонна мужчин и женщин с какими-то узлами и чемоданами, с грудными детьми на руках, старики и старухи.

Это по сентябрьским улицам Киева 1941 года шли на казнь киевские евреи, ожившие с помощью голографической ИИ-реставрации старой кинохроники.

В окружении вооруженных немецких солдат и украинских полицейских они двигались плотной молчаливой колонной. Только шум их шагов, редкий плач детей и команды: «Шнель! Шнель!» сопровождали их, но на их лицах не было ужаса, они еще не знали, куда их ведут.

И те, кто сидел в зале, тоже еще не поняли, что им показывают и куда идут эти люди. Прошлое легко забывается теми, кто не хочет его помнить.

Но создатели голографической версии старой немецкой кинохроники были мастерами своего дела и, скорее всего, молодыми людьми с клиповым мышлением. Первая колонна обреченных быстро достигла обрыва к какому-то рву, прозвучала команда: «Шнель! Раздеться! Швидко раздеться!» И вдруг...

Вдруг зал наполнился грохотом густой пулеметной стрельбы, пули полетели в обреченных еврейских мужчин и женщин, стариков и детей; с душераздирающими криками они падали в ров, друг на друга; и все это было вживую, при солнечном свете и так реально, и пули летели вокруг голов делегатов ООН так явственно, что кто-то закричал от страха, а кто-то пополз с кресла на пол...

Но это не остановило демонстрацию. Наоборот. Вновь ожили и один за другим стали реально близкими все новые и новые расстрелы тысяч евреев в Польше, Украине, Белоруссии, Литве, Латвии, Австрии...

На фоне этих ужасов в воздухе возникли огромные огненные буквы: **ДА ВСПОМНИТ Б-Г НАШ ВСЕХ**

ПРАВЕДНИКОВ МИРА И ОТОМСТИТ ЗА ПРОЛИТУЮ КРОВЬ РАБОВ СВОИХ...

А голографическая хроника продолжалась. Горящие синагоги с запертыми в них живыми людьми во Франции, Голландии, Бельгии...

Эшелоны вагонов для скота, набитые евреями, катят, грохоча колесами, со всех сторон Европы к воротам Майданека, Освенцима, Дахау...

Колонны абсолютно голых, мерзнущих на морозе и дрожащих от страха взрослых и детей топчутся в очередях к газовым камерам Бухенвальда, Треблинки, Собибора...

ИБО ВЗЫСКИВАЕТ ОН ЗА КРОВЬ И ПОМНИТ О НЕЙ, НЕ ЗАБЫВАЕТ СТОНЫ СТРАДАЛЬЦЕВ...

Вагонетки с наваленными трупами в очереди к печам крематориев в Малом Тростенце, Белженце, Заксенхаузене...

Горы детской обуви...

Тюки с женскими волосами...

Ящички с золотыми зубами...

Гигантские рвы, доверху заполненные скелетами убитых в Берген-Бельзене, Куртенгофе, Брайтенау...

Стоя на высокой трибуне на фоне зелено-мраморной стены главного зала заседаний ООН, Мириам Новак сказала в микрофон:

— Дамы и господа! Как видите, восемьдесят лет назад Европа во главе с Германией провела этническую зачистку: уничтожила почти всех евреев там проживавших. Французы, бельгийцы, голландцы,

норвежцы, венгры, словаки, поляки, литовцы, украинцы – все помогали фашистам.

Вы убили не меньше шести миллионов евреев вместе с новорожденными младенцами.

Каждый из них мог подарить миру детей, внуков и правнуков, поэтому количество убитых можете смело умножить вчетверо и впятеро...

А теперь, когда нас снова грабят, избивают и убивают во всех ваших странах, а ваши суды отпускают убийц на свободу, вы говорите нам, что мы не имеем права на защиту? Мы не имеем права предупредить наших врагов, что на новую этническую чистку мы ответим еще более мощным ударом? Может быть, вы назовете еще какую-нибудь нацию, к истреблению которой так фанатично стремится ваше новое международное сообщество во главе с Ираном? И за что? Две тысячи лет мы жили среди вас, отдавая вам наши знания, открытия и изобретения.

Мы дали вам алфавит, Библию, Деву Марию, Иисуса Христа, двенадцать апостолов, Спинозу, Дизраэли, Колумба[?], Ньютона, Нострадамуса, Гейне, Мендельсона, Эйнштейна, Зингера, Эйзенштейна, Фрейда, Ландау, Гершвина, Оффенбаха, Рубинштейна, Сен-Санса[?], Кафку, Ломброзо, Монтеня, Малера, Марселя Марсо, Всеволода Мейерхольда, Иегуди Менухина, Стефана Цвейга, Артура Миллера, Майю Плисецкую, Стенли Кубрика, Ирвина Берлина, Эдварда Теллера, Лиона Фейхтвангера, Пола Ньюмена, Роберта Оппенгеймера, Бени Гудмена, Эжена Ионеско, Имре

Кальмана, Марселя Пруста, Чарли Чаплина[?], Марка Шагала, Барбру Стрейзанд, Клода Лелуша, Стивена Спилберга, Анук Эме, Леонарда Бернстайна, Норберта Винера, Лэрри Пейджа, Марка Цукерберга, Сергея Брина, Эндрю Ллойд Уэббера и еще тысячи ученых и просветителей. Только представьте, какое количество таких же гениев могли бы еще родить миру убитые вами миллионы евреев, а потом их дети, внуки и правнуки!

Но эти нерожденные гении навсегда исчезли в печах крематориев, сожженных синагогах и расстрельных братских могилах.

Так неужели вы думаете, что вашими резолюциями, бойкотами и санкциями нас можно снова загнать в газовые камеры? Нет, господа! Прожив среди вас две тысячи лет, мы должны были приспособиться к вам и усвоить не только ваши языки, но и кое-что из вашей психологии. Иначе как бы мы выжили в Персии без персидского вероломства? В Испании без испанской жестокости? В Германии без немецкой покорности дисциплине? Во Франции без французской скупости? В Польше без польского чванства, а в России без мата и русской привычки к дворовым нужникам, где нужно сидеть орлом и говорить о своем духовном величии? — (Смех в зале.)

— И потому я скажу вам откровенно: да, мы не ангелы. Среди нас были международные аферисты и гангстеры, Ланские, Медовы и Эпштейны, жулики, воры, грабители, авантюристы и даже педофилы. Но за всю нашу и вашу историю не было еврейского Богдана

Хмельницкого, Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина. Не было еврейского Йозефа Менгеле и Эрика Коха, Адольфа Эйхмана и Иди Амина, Андрея Чикатило и Ли Цзычэна, Джеффри Дамера и Жана Бокассы, Фрица Хаарманна и Теда Банди, Николая Джумагалиева и Альберта Фиша.

Мы не делали ожерелий из человеческих ушей, не снимали скальпов, не ели человеческую плоть, не варили мыло из человеческого жира, не шили абажуров из человеческой кожи, не делали матрацев из женских волос, не сжигали людей в религиозных храмах и не убивали детей в газовых камерах.

Вместо этого мы создали вещи, которые изменили мир к лучшему. Капельное орошение, опреснение морской воды, процессоры Intel и платформы Centrino и Core Duo, самый маленький в мире ДНК-компьютер и первый в мире USB-флеш-накопитель, нанопроволоку и таблетку-видеокамеру, лекарство от рассеянного склероза и экзоскелет, Google Glass для незрячих и монитор дыхания ребенка, радар, способный видеть сквозь стены, ИИ-синтезатор голографической реальности и еще сотни прекрасных вещей.

Составляя всего 0,2 процента населения планеты, мы дали миру 32 процента нобелевских лауреатов. Да, забыла вам сказать: мы никогда не употребляли и не употребляем кровь христианских младенцев при изготовлении мацы. Еще в 1913 году три православных эксперта по иудаизму доказали это в знаменитом киевском процессе по делу Бейлиса. В 1962 году Второй Ватиканский собор снял с нас вину за распятие Христа, а

в 2011 году папа римский Бенедикт XVI заявил, что «христианин не может быть антисемитом, у нас одни и те же корни». В 2019 году его преемник папа Франциск I сказал, что «внутри каждого христианина сидит еврей» и «нельзя быть настоящим христианином, не признавая свои еврейские корни».

Больше того, глава Всемирной католической церкви заявил, что «завет между Богом и евреями продолжает действовать» и «антисемитизмом являются не только нападки на евреев, но и выступления против Израиля».

И наконец, в июне 2020 года пастор Джон Хейги, глава американских христиан-евангелистов, опубликовал свое «Обращение ко всему миру», в котором сказал просто и ясно: «Почему мы, восемь миллионов христианских патриотов Америки, поддерживаем Израиль? Потому, что Б-г на стороне Израиля! Если христианин говорит, что он не любит евреев, то его фальшивое христианство под очень большим сомнением. Б-г говорит: «Я благословляю тех, кто благословляет Израиль! Я прокляну тех, кто проклянет Израиль!» И теперь я хочу спросить европейских делегатов, сидящих в этом зале: кем вы себя считаете? Вы христиане или не христиане? Когда вы молитесь Иисусу Христу, Богородице и святым апостолам, разве вы не молитесь евреям? А когда говорите, что носите в сердце образ Христа, то тем самым разве вы не признаёте, что носите еврея в своей душе?».

Даже если вы ярый атеист, все равно ваши предки были христианами две тысячи лет и, следовательно, еврейство у вас в крови – хотите вы этого или нет!

Так вот, дамы и господа. Если вы настаиваете на международном бойкоте Израиля, потому что продолжаете ненавидеть евреев и хотите полного уничтожения еврейства на земле, то будьте последовательны – начните с себя, сделайте харакири! Это и будет честная этническая зачистка.

А теперь, как говорят здесь, в Америке, I have news for you, у меня есть новость для вас. Теперь вслед за христианами, пришла очередь и мусульман расстаться с антисемитизмом. Да, это будет непросто, но точно так, как Всевышний помог человечеству избавиться от бубонной чумы, сибирской язвы, холеры и коронавируса, так Он поможет вам избавиться от антисемитизма. Вы спросите: для чего? Зачем Всевышний вернул нас в Израиль и принуждает вас отказаться от стремления нас уничтожить? Ведь у Него должна быть какая-то цель, верно?

Я скажу вам свое личное мнение. Потому что, по Его замыслу, каждый народ должен дать человечеству то, что он делает лучше всего.

Французы – кулинаров и парфюмеров.

Англичане и русские – писателей и поэтов.

Итальянцы – художников и музыкантов.

Немцы – солдат и философов.

А мы, евреи, – гениев.

Гениев, которые во всех областях двигают человечество от дикости и идолопоклонства к культуре, гуманизму и техническому прогрессу. В этом наша миссия, которую мы выполняем уже две тысячи лет, несмотря ни на что!

А потому есть у нас генетическое, торсионное, ядерное, тектоническое, космическое или еще какое-то оружие самообороны или нет – не ваше дело! Позвольте вы нам иметь оружие защиты или не позвольте – это нам все равно.

Как сказал когда-то один из основателей нашего государства Зезв Жаботинский: «Нравимся мы вам или не нравимся, нам это безразлично, раньше вас мы пришли и позже уйдем».

Спасибо за внимание.

СОДЕРЖАНИЕ

Биография	2
Легенда о еврейском мальчике	12
Последняя верста.....	22
Баллада о Шольяхе.....	30
Вступление.....	30
Часть 1	31
Глава 1	31
Глава 2	34
Глава 3	45
Часть 2.....	47
Глава 1	47
Глава 2	50
Глава 3	52
Эпилог	55
Последнее письмо	56
Уже ли ты забыть сумела	57
Монька.....	59
Письмо другу	61
Мой милый друг! Когда конверт откроешь,.....	65
Ты прекрасна как луч зари,	66
Я вами очарован был мгновенно,	68
Нам случай снова встречу подарил,	69
Осеннее танго	70
Ну, вот и все, я улетаю,.....	71
Внучке	73
Есть завод-красавец в Кавминводах,.....	75
Песня об Израиле	76
Морозный день уж близится к концу,.....	78
Мой Дагестан.....	80

Приснилось мне: стою у моря,.....	81
Прощай! Что делать? Не сложилось.....	83
Рассвет у моря.....	84
Памяти Ибрагима Гасанбекова,	85
Грусть	87
«Вперед, Динамо»	88
Приснилось мне, что я лежу привязан	89
Памяти Шевалье Нусуева	92
Пол неба золотом пылало	94
Мне шестьдесят. Я видел много стран.	95
Алёна	96
Не по-зимнему солнце греет,	97
Удивительная Астинэ,	100
Ко дню медицинского работника	101
Боккур.....	102
Время вышло, часы пробили,.....	105
О любви!.....	107
Газета «New–York Evening Revue», 24 апреля 2021 года:	108

Исаков Евгений Герцельевич

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРСТА

Избранное, дополненное

